

18+

ЮЖНЫЙ
КРЕСТ

И. ИВАНОВ

Игорь Иванов

Южный Крест

«Издательские решения»

Иванов И. А.

Южный Крест / И. А. Иванов — «Издательские решения»,

Задолго до того, как Британия объявила себя Владычицей морей, современники называли Королём Планеты Филиппа IV, правителя Испании, над территориями которой «никогда не заходило солнце»... Несколько лун из жизни испанского дворянина, искателя приключений и охотника на пиратов. Когда Судьба поднимается на борт твоего корабля, ничего не остаётся, как следовать за ней к далёким горизонтам.

© Иванов И. А.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Острова Святой Урсулы	6
Тихая бухта	6
«Bornholm»	13
Дю Валь	24
Госпожа Сёренсен	34
Посредник	41
Сделка	46
Выкуп	54
Амальти	58
Компаньоны	63
Горячий ручей	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Южный Крест

Игорь Александрович Иванов

Корректор Юрий Кудряшов

© Игорь Александрович Иванов, 2026

ISBN 978-5-0070-1258-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Острова Святой Урсулы

Тихая бухта

Дон Мигель заворочался на постели и приоткрыл глаза. Кромешная темнота скрадывала причудливую резьбу розетты над головой, и лишь охряные сполохи в кормовых иллюминаторах каюты слегка намечали строгие очертания кессонного потолка.

Подушка была горячей и влажной, будто на неё плеснули кипятком. Дон Мигель пошарил рукой по разгорячённой груди. Рубашка тоже неприятно прилипла к телу. Он шумно вздохнул, ворочаясь на постели. Но жаркая подушка не давала уснуть. Дон Мигель недовольно приподнялся на локте и нервно перевернул её... Чёрные кудри разметались по бледному батисту, и нежная прохлада мгновенно окутала блаженством. Радужными разводами поплыли перед глазами разноцветные пятна, завлекая в райские кущи... Но сон не шёл. Проклятая подушка стремительно теряла свою притягательную свежесть, предательски раскаляясь и прогоняя остатки блаженной дремоты.

Дон Мигель в раздражении сел, упёршись руками в бортик кровати. На гладкой, мерцающей в темноте поверхности стола угадывался какой-то высокий силуэт. Он потянулся за кубком и встал на ноги.

— Боже, какая духота...

Дон Мигель жадно выцедил из тяжёлого кубка остатки разбавленного водой вина, причмокивая непослушными губами, потом прошёл к иллюминаторам. Они были распахнуты настежь. Здесь стало посвежее, но вода за бортом стояла недвижимо, как чёрное зеркало. По ней мутной ржавчиной растекались сполохами отсветы догоравшего на берегу костра.

— Похоже, матросы устроились там получше меня...

Он попытался поставить кубок на край стола, едва не промахнулся и грохнул им как попало. Под дверью в каюту заколыхалась тьма.

— Одеваться! Поддай мне чулки и туфли.

— Да, господин. Извольте протянуть ногу.

Дон Мигель уселся на кровати и терпеливо ждал, пока слуга возится с его чулками, подвязывая ленты под коленями.

Сон прошёл окончательно. Дон Мигель вскочил на ноги в досаде на самого себя. Он решительно направился к выходу, но по пути запнулся и чуть не упал.

— А-а, ч-чёрт! Убрать это барахло! Немедля!

— Да, господин, — засуетился слуга, вытаскивая из-под порога одеяло.

Дон Мигель распахнул дверь каюты и порывисто понёсся по коридору. Уже на самом трапе он обернулся и примирительным тоном приказал в темноту:

— Да принеси мне воды!.. Чертовски душная ночь.

На палубе стало полегче. Воздух по-прежнему стоял недвижно, но рубаха... Она стала чуть прохладней в ожидании первых вздохов утреннего бриза. Досада прошла. Дон Мигель с наслаждением вдыхал предрассветную свежесть тропической ночи. Кормовой фонарь тускло освещал палубу, затопляя обширной тенью всё пространство от шканцев до грот-мачты. На полубаке богатырски похрапывали. Там тоже горел фонарь, но света почти не давал, лишь колыхая и без того непроглядную темень. Позади, на юте, кто-то выводил рулады, и сам дон Мигель остро почувствовал, что всё-таки не прочь ещё отправиться в царство Морфея. Он вскинул кулаки к плечам и с хрустом потянулся.

Молодой метис подошёл неслышно, будто материализовался из воздуха.

— Твоя вода, господин.

Дон Мигель протянул руку. В неё тотчас же вложили увесистый сосуд. Он сделал несколько глотков, разглядывая длинную рыжеватую полосу света на водной глади залива.

— Постели мне наверху. И... больше ничего. Ступай!

Дон Мигель ещё раз, словно размышляя о чём-то, взглянул на далёкий оранжевый костёр в глубине залива, затем повернулся к нему спиной и подошёл к порту. На этот раз завязки панталон не подвели. Он привалился бедром к лафету и облегчённо выдохнул. С воды донеслось тихое журчание. Дон Мигель блаженно застыл, опустив потяжелевшие веки.

Он стоял у лафета и медленно погружался в сон. Глаза закатывались, ему становилось неимоверно хорошо. Ночь была прекрасна и свежа. Воздух — чист и прозрачен. Он был недвижим, но его уже можно было почувствовать, можно... ощутить по нежным колебаниям ворсинок на коже, по лёгким прикосновениям пробуждавшегося бриза... Ворсинок?.. Ну нет — конечно же, волос... А как поэтично звучит: вор-си-нок... Словно бархат... Бархат ночи, гладь ворсинок, шелест юбок, взгляд твой синий... Неплохо! Неплохо. Надо будет развить эту тему в сонете. И тихий перебор струн, будто утренний бриз... А ещё жемчуга... Как звёзды в волосах. Крупные и пронзительные...

Однако звёзд не было. Дон Мигель округлил глаза. Журчание разом смолкло. И сон снова куда-то улетучился.

Звёзд действительно не было. Вернее, были... Целая россыпь... Во главе с Орионом вверху. Блистательный Сириус — чуть левее. И даже справа, за Сциллой, в промежутке между скалой и мысом... А вот прямо перед глазами — не было. Канопуса не было!.. Вместо величавой кормы Корабля Арго зияло чёрное, как бархат, пятно, на фоне которого даже скала выглядела не столь мрачно. Дон Мигель силился рассмотреть это чудо, вращая глазами и поворачивая голову из стороны в сторону. Чернильное пятно понемногу росло и стало удивительно напоминать...

— Постель готова, господин.

Дон Мигель от неожиданности вздрогнул.

— Рико! — громким шёпотом воскликнул он. — Рико! Кто сегодня на юте? Кулевэн?

— Да, господин, Большой Жак, — бесстрастно ответил юноша и торопливо добавил: — Он почти не спит!

— К чёрту! — оборвал его дон Мигель. Он уже пришёл в себя и говорил обычным голосом. — Веди его сюда!.. Только без суеты, медленно. Ты понимаешь? Медленно.

Дон Мигель пристально посмотрел слуге в глаза. Тот утвердительно кивнул.

— Не торопись. Разбуди его и оставь вон там, в тени, у переборки. Сюда не подводи. Выполняй!

Федерико ушёл. Тусклый свет кормового фонаря заливал палубу шканцев, левый трап и весь борт до самого бака. Дон Мигель крепко зажмурился и повернул голову в сторону рифа.

Чернильное пятно растеклось в стороны. Теперь оно пыталось встать носом к ветру, сохранив минимум парусов. Бриз за мысом всегда чувствуется довольно хорошо. Это здесь, в бухте, почти полный штиль. Флаги на стенах обвисли, как мокрые занавески. Однако скоро, с рассветом, начнётся отлив, и всё придёт в движение. И уже сейчас ощутимо тянет в левую щёку...

— Господин, Большой Жак ждёт тебя. — Слуга появился, как всегда, бесшумно.

— Хорошо! — сухо отрезал дон Мигель. И вполоборота бросил через плечо: — Кулевэн! Стой там, не выходи на свет!.. Что ты видишь по правому борту? За рифом?

Кулевэн выдержал длинную паузу.

— Вижу корабль, дон Мигель, — неторопливо ответил из темноты сиплый прокуренный голос. — Большой корабль. Трудно разобрать чей... Весьма похожий на флейт... И, судя по всему, собирается встать на якорь напротив нас.

— Возможно. Однако это не объясняет, почему он идёт без сигнальных огней.

— Полагаю, у него может найтись добрых полдюжины причин, чтобы не зажигать огней, — рассудительно продолжал Кулевэн. — Однако большинство из них должны побудить нас держаться настороже. А наши олухи оставили на берегу такой костёр, что мы сейчас как на ладони.

— Это верно... Рико!

Юноша подёрнул плечами, выказывая готовность.

— Рико, пойдёшь разбуди матросов. Да только тихо! Без суеты. Пусть незаметно спускаются на нижнюю палубу и ждут моего приказа.

Кулевэн издал какой-то горловой звук, затем прохрипел:

— Если капитан позволит...

Дон Мигель кивнул.

— Ты, парень, по палубе-то не ходи. Через батарейную пробегись.

Дон Мигель снова кивнул.

— Слышал? Иди.

Федерико проворно растворился в тени.

— Что скажешь, старый сыч? — Дон Мигель непринуждённо присел на лафет, так, будто он просто решил передохнуть. — По-твоему, стоит нам его опасаться?

Кулевэн, как всегда, выдержал длинную паузу.

— Большого корабля всегда следует опасаться, — глубокомысленно заключил он. — Кто знает, что у него на уме? Сейчас он пытается поставить корабль на якорь, а мог бы и сдуру пойти над рифом на абордаж.

Капитан кивнул, демонстративно прихлёбывая из кубка.

— Ты тоже полагаешь, что он чужой?

— Ещё бы! Наши испанцы не станут в своих водах подкрадываться, как воры. К тому же мы хорошо видны. А эти... Возможно, голландцы. Тогда понятно, почему их корабль напоминает флейту. Правда, мы с ними уже года два как не воюем. Но мало ли что... Кальвинисты — они и есть кальвинисты. Одно слово — еретики! Черти лукавые... Кто бы там ими ни командовал, он явно хочет оставаться незамеченным. К тому же думает, что запер нас в гавани. Гляди, как он встал бортом, аккуратно против нас. Готов биться об заклад, что его пушки усердно банят в настоящий момент. Не удивлюсь, если прежде, чем встретить первые лучи солнца, нам суждено будет увидеть свет боевых фонарей в глубине пушечных портов.

— Ты, как всегда, прав, старина. Пресвятая Дева Мария недаром лишила меня сна.

— А вот и наш посыльный пожаловал, — глухо прогудел Кулевэн.

— Рико?

— Да, господин. Матросы на батарейной палубе. Ждут твоих приказаний.

— Сколько их там?

— Пятеро, господин.

— Негусто... А впрочем, ничего другого у меня нет.

Гнетущая тишина повисла над палубой.

— Господин, — робко позвал метис. — Там сильно скрипит, господин.

И Федерико вытянул руку в сторону рифа.

— Скрипит?

— Да. Сильно скрипит.

— Ну вот, я же говорил, — проворчал Кулевэн.

Дон Мигель поставил на лафет кубок и прислушался.

— Ну-ка, малыш, принеси трубу Большому Жаку. А ты, Кулевэн, посмотри внимательно. У тебя глаз зоркий. Может, углядишь чего.

— Угу, — буркнул тот. — Дай сюда!.. Да прижмись к переборке, дурья башка.

На палубе снова стало тихо. Дон Мигель потянулся за кубком. На тёмной поверхности разбавленной вином воды в слабом отсвете кормового фонаря мелкими концентрическими кругами пульсировала рябь. Начинался отлив, и корабль подрагивал на своих якорях, как горячий жеребец у коновязи.

Наконец тень засипела голосом Кулевэна:

— Так и есть! Они спустили шлюпки, мой капитан... Не пойму сколько... А! Вот: две... Нет, три!.. Не меньше! Они проходят как раз над гребнем рифа... Нас собираются взять на abordаж, капитан! — смешливо заключил Кулевэн.

Дон Мигель выгнул левую бровь и посмотрел туда, где тёмным пятном чернел силуэт Большого Жака.

— Чем я обязан твоему веселью, Кулевэн?

Тот явно стушевался.

— Да нет, капитан, я ничего. Какое уж тут веселье? Впрочем... По-моему, неплохая шутка, капитан. Забавно, что именно в тот момент, когда весь экипаж на берегу, нас пытаются ограбить. Нас! Каперов Его Католического Величества!¹..

— Это не шутка, Кулевэн. Это ирония. Притом злая ирония, деревенщина ты такая!

— Ну вам виднее... — примирительно отозвался тот. — Что будем делать, мой капитан? Нам их не сдюжить. Три десятка вооружённых парней — это уж точно не шутка, капитан. Совсем не шутка.

Дон Мигель снова выгнул дугою бровь.

— Э-э, да ты, я вижу, не празднуешь ли труса, мой старший канонир?

— Да нет... — Хриплый голос Кулевэна выдавал крайнюю степень смущения, весьма нехарактерную для него. — Однако болтаться на рее уж очень не хочется. Особенно сегодня, в День Воздвижения Креста Господня²! Пенчковый галстук — не лучшее из праздничных одеяний для моряка.

Крайне довольный своею находчивостью, канонир снова повеселел.

— В такой-то день и помирать-то грех, капитан! — убеждённо продолжал он. — Напротив, полагаю, Господь наш Вседержитель даёт нам шанс обрести свой истинный крест. И стойко снести его. Во славу Его, Господа нашего! А там уж — пусть на следующий день, да с Божьей помощью! — можно и вернуть несправедно отторгнутое...

Последняя фраза неловко повисла в воздухе. Дон Мигель молчал, неподвижно глядя туда, где, пряча глаза, стоял в темноте Кулевэн. Пауза затягивалась. Старший канонир нервно переступал с ноги на ногу.

— Мой крест — здесь, Кулевэн! На «Валадаресе»! Мне нечего искать в джунглях. Моя судьба решается сейчас, на палубе этого корабля. — Капитан продолжал сверлить взглядом чёрный силуэт у переборки. — Впрочем, твоя судьба тоже! Иди! Твоё место — на батарейной палубе. Готовь орудия правого борта. — Дон Мигель поднялся с лафета. — Порты до поры не открывать! Огней зря не палить! Заряжай цепочными ядрами, попробуем расстроить его такелаж... Да! Орудия выкатывать будет некогда. Смотри не спали мой корабль!

— Ну это уж моя забота, — самоуверенно отозвалась тень. — Я оболью порты уксусом.

— Прекрасно! Поторопись! По выполнению доложишь. Всё!

— Да, капитан!

¹ Католический король — титул, присваиваемый папой римским монархам, которые в глазах папского престола хранят католические принципы в личной жизни и в государственной политике. Титул передаётся по наследству. В данном случае — король Испании Филипп IV Габсбург, прозвище Великий (08.04.1605 — 17.09.1665), правил с 31.03.1621, король Португалии (1621 — 1640) как Филипп III.

² Праздник установлен в память обретения Креста Господня, которое произошло, согласно церковному преданию, в 325 или 326 году в Иерусалиме около горы Голгофы — места распятия Иисуса Христа. Католической церковью празднуется 14 сентября по григорианскому календарю.

Каблуки дробно загрохотали вниз по трапу. Большой Жак снова был при деле.

Дон Мигель некоторое время прислушивался к лёгкой возне на нижней палубе, затем обратился к слуге:

— Федерико, малыш... Тебе предстоит исполнить важное дело.

Метис порывисто подался вперёд, но дон Мигель жестом остановил его.

— Ты пойдёшь на бак и поставишь стаксель. Это такой парус на форштаге. Сможешь?

— Да, господин! — с волнением ответил тот.

— Отлично! Парус поставишь на правый борт. Да смотри не очень там мельтеши! Действуй скрытно! Из-за этого костра на берегу мы прямо как на подмостках!.. Твоя задача — в нужное время поставить стаксель. В нужное! Не раньше и не позже! Ты понял?

— Да, господин!

— Хорошо! Сигналом послужит выстрел из пушки. Не пропустишь. Но и не мешкай! Шкуру спущу!.. Мне нужен ветер. Ты понял? Ступай!

Федерико исчез. Дон Мигель обернулся в сторону неизвестного корабля. Шлюпки уже можно было различить невооружённым глазом. Они смутно темнели на фоне белёсой пенистой полосы, разделяя её на фрагменты...

На палубе остро запахло кислятиной. Кулевэн по пояс высунулся из дверного проёма и громким шёпотом доложил:

— Орудия готовы, капитан! Когда палить?

Дон Мигель невольно усмехнулся.

— Они тебя не слышат, Большой Жак. Да теперь это уже и не важно. Если до сих пор не дали залп — значит, не смогли разгадать наших намерений. А теперь уж и подавно стрелять не будут. Посмотри, как близко подошли их шлюпки.

Кулевэн вышел на палубу, но предпочёл оставаться в тени.

— Кстати, — продолжал капитан, — я наблюдаю не три шлюпки, а четыре. И вполне соглашусь с тобой, мой отважный канонир, что четыре дюжины головорезов — это уж слишком для нас. Тем больше у нас причин, чтобы убраться отсюда подобра-поздорову. Хорошо ещё, что мы не успели встать на ремонт... Как считаешь?

Кулевэн невразумительно промычал. Ему явно не хотелось вступать на скользкую дорожку личных оценок. Тем более что капитан посчитал подобную форму ответа вполне удовлетворительной.

— Ты спросишь меня, как это сделать? Очень просто! Мы воспользуемся услугами Посейдона и Эвра... Не утруждай себя! Наш славный фрегат уйдёт с отливом, подгоняемый утренним бризом.

— Будет вам издеваться над старым человеком, дон Мигель, — кротко отозвался Кулевэн. — Я старый пушкарь, капитан, и не очень разбираюсь в ваших морских премудростях. Поэтому там, где для вас всё просто, мне приходится поломать голову. И сейчас я не могу понять двух вещей: почему мы не стреляем и как отсюда уйдём. Насколько я вижу, мы стоим кормой к выходу из залива. А эти парни уже так близко, что я могу разглядеть морщины на их перекошенных ухмылками рожах... Чего мы ждём, капитан?! — Кулевэн снова сорвался на дерзость.

— Отлива, — спокойно произнёс дон Мигель. — Мы ждём хорошего отлива. Кстати, это ответ на оба твоих вопроса. Видишь, как пенится волна над рифом? Это значит, что им обратно уже не вернуться. Следовательно, на корабле останутся две-три дюжины от экипажа. И уж наверняка это будет артиллерийская обслуга. Ребята, конечно, достойные, что и говорить, но для марсовых работ не слишком хороши. Если ты как следует поработаешь над их такелажем, у нас появится шанс мимо них проскочить! А в случае чего нам восьмерым и отбиться от них будет несложно. Признай это сразу, или мне придётся разжаловать тебя в юнги!

Капитан даже не попытался скрыть своё возбуждение, и Кулевэну ничего не оставалось, как согласиться. Он ограничился тем, что просто демонстративно пожал плечами.

— Прекрасно! — бодро продолжал дон Мигель. — Корабль у нас хороший, быстрый. Потому по выходе из бухты нам уже не может грозить ничего серьёзного!

Кулевэн тихо побряхтел, затем наконец решился:

— Пока мы будем сниматься с якорей, нас достанут либо те, либо эти.

— А мы не будем сниматься с якорей! Мы их сбросим. Но перед тем они сослужат нам хорошую службу! Слушай меня внимательно! Сейчас ты отправишься на батарейную палубу и дашь залп. Сразу после этого ты — лично ты! — бежишь к битенгу и рубишь носовой канат. Остальных — ко мне наверх! Всё понятно?

— Да, капитан!

— Тогда с Богом! И да поможет нам Пресвятая Дева Гваделупская!

— Амен³! — Кулевэн быстро перекрестился и исчез в дверном проёме.

Капитан остался у лафета. Потягивая из кубка, он наблюдал за подходившими шлюпками. Чужаки были уже совсем близко, так что можно было мушкетным выстрелом сбить с носовой банки осанистого человека в странной широкополой шляпе. От нетерпения тот едва не приплясывал, красуясь на носу передней шлюпки. Его поза и энергичные движения выдавали в нём предводителя, в то время как чёткий силуэт на фоне розовеющего неба придавал ему определённое сходство с ростральной фигурой.

В этот момент грянули пушки. Дон Мигель в задумчивости пропустил, когда открывались порты, поэтому залп оказался внезапным. Палуба ушла из-под ног, уши заложило, словно ватой, а геройский командир отряда вместе со всеми шлюпками, моряками и рифами исчез в плотных клубах дыма. От пороховой гари перехватило горло, защипало, заслезилось в глазах и как-то сразу стало трудно дышать.

Капитан протянул руки и пошёл к штурвалу. Кормовой фонарь тусклым пятном парил над ютом. Дым быстро рассеивался, уносимый весьма ощутимым бризом. В то же время дон Мигель почувствовал лёгкий толчок, за которым последовало удивительное спокойствие: корабль более не дрожал, как нетерпеливый горячий конь, корабль словно бы обрёл безмятежность. Капитан понял, что носовой якорь благополучно сброшен. Кулевэн явно знал своё дело! А вот не оплошал ли малыш Рико? Этого пока ещё понять не представлялось возможным.

Дон Мигель подошёл к штурвалу и осмотрел берег. Большой костёр, словно маяк, медленно обегал левый борт корабля, приближаясь к скуле и подсвечивая край стакселя. Дон Мигель невольно улыбнулся и в тот же момент ощутил, как корабль дёрнулся, а палуба под ногами мелко завибрировала: кормовой якорь славно держался на грунте. С этого момента дело пошло быстрее. Оранжевый маяк вплотную подошёл к бушприту и скрылся за бледной парусиной стакселя.

Тяжёлый отдалённый гул мягко ударил в барабанные перепонки, эхом раскатился по берегам бухты. Внизу что-то затрещало, послышался звон разбитого стекла и следом — глухой удар, заставивший корабль вздрогнуть. В голубоватом предутреннем сумраке капитан отчётливо разглядел взлетающие кверху фонтаны брызг у самой береговой полосы. Прилетавшие по настильной траектории ядра рикошетили от поверхности воды и, прыгая, словно мячи, уходили в джунгли чуть правее лагеря. Кто бы то ни был, а с канонирами у них всё в порядке! Хорошо, что вовремя удалось осуществить манёвр. Капитан поднял голову вверх и внимательно осмотрел рангоут. Скорый рассвет весело подсвечивал стены и снасти над реями. Здесь, по-видимому, обошлось благополучно. А вот под палубой, похоже... Капитан покачал тяжёлое колесо штурвала... Впрочем, всё это вздор!

³ Да будет так (лат.).

На трапе слышался дробный перестук деревянных каблуков, и на шканцы, тяжело дыша, буквально ворвалась группа матросов. Они застыли, как вкопанные, вопросительно уставившись на капитана. Впереди стоял маленький курчавый матрос, заросший по самые глаза бородой. За ним возвышался здоровенный верзила с толстыми губами и крупным носом. Такой, несомненно, мог храпеть за четверых. Да наверное, и работать тоже.

— Ты! — Капитан ткнул пальцем в сторону маленького чернявого бородача. — Бегом на бак! Помоги мальчишке!.. Да пришли его сюда! — крикнул он вслед убежавшему матросу. — Остальным — ставить бизань! Мы выходим из бухты!

Матросы живо кинулись выполнять команду. Двое из них бросились к вантам, остальные разобрали такелаж. Нагели повывлетали из планширя, словно бутылочные пробки. Натужно закрипели выбираемые шкоты, а когда штерты захлопали по парусине, тяжёлая шкаторина величаво поползла вниз под пронзительные взвизгивания блоков.

Дон Мигель выжидал. Жёсткая кирзовая парусина лениво полоскалась над головой, сухо погромыхая, как плохо выделанная кожа. Но манёвр ещё не был завершён. Корабль, удерживаемый на якоре, дрожал и рвался, словно цепной пёс. Находясь на привязи, он описывал широкую дугу, увлекаемый отливом и раздувшимся парусом на форштаге. Капитан оглянулся через плечо на чужой корабль. Его взятые на гитовы паруса вяло колыхались на ветру, розовея бледными утренними красками. Дон Мигель тревожно наблюдал за неторопливой суетой на далёкой палубе и почему-то мучительно вспоминал имя здоровяка-матроса...

Краем глаза он заметил подходившего Кулевэна.

— Умаялся, старина?! — не поворачивая головы, бросил капитан.

Кулевэн разом подобрался. Капитан продолжал:

— Вижу, что молодцом. Тогда бегом вниз — отдашь кормовой якорь!.. Да осмотри там мачту! Слышишь?!

— Да, капитан! — уже с трапа отозвался канонир.

Ему на смену по левой стороне резво взлетел юный метис. Его смуглое лицо сияло.

— Рико, пистолеты и шпагу!

Юноша исчез. Матросы дружно брасопили реи. Дон Мигель вспомнил наконец имя мордастого верзилы и заорал:

— Фернандес! Шкот!

Матрос вихрем пронёсся мимо капитана. В тот же момент корабль качнуло. Дон Мигель круто положил штурвал на левый борт. Парус громко хлопнул над головой, поймал бриз и стал заваливать корму под ветер.

Капитан выровнял руль. Фернандес, бешено работая могучими руками, выбирал слабинку и накладывал петли вокруг нагеля. Корабль захватил ветер и ходко пошёл к горловине бухты.

В каменной теснине между скалой и мысом вода играла упругими тяжами. Отлив заставлял её раздуваться, словно мышцы Левиафана. По краю, у Харибды, вода бурлила и клочкотала. Но дон Мигель хорошо знал фарватер, поэтому смело устремил фрегат именно туда. Он положил штурвал чуть вправо, обходя громадный подводный валун. Вода в этом месте вспучилась большим мутным пузырьём, выступая над поверхностью, словно купол исполинской медузы. Затем, когда на траверзе оказалась Сцилла, капитан резко положил руль на левый борт. Фрегат развернуло бушпритом в стремнину и вынесло в проход между скалами.

«Bornholm»

На открытой воде дон Мигель смог как следует оглядеться вокруг. Чужой корабль в утреннем свете имел весьма удручающий вид. Его массивный грота-рей с перебитыми фалами завалился на правый борт и теперь нелепо торчал вторым носом вверх, словно часть латинской оснастки. Двойные ядра сделали своё дело. Повреждения такелажа были велики. Даже отсюда отчётливо представлялось, в каком беспорядке пребывали разорванные и перепутанные снасти. Организовать быструю погоню при таких условиях чужой капитан уже не мог.

— Кулевэн! — Дон Мигель поискал глазами своего канонира. — Мои поздравления, Большой Жак! Одним залпом вывести из строя такой великолепный корабль. Тысяча чертей! Это же редкая удача!.. Да простит меня пресвятая Дева Энкарнасьон.

Польщённый Кулевэн мотнул головой и засипел что-то невнятное. Затем, взяв себя в руки, громко прочистил горло и довольно грубо заявил:

— Дева Мария послала нам хорошую погоду. Как раз вовремя. Да и пушки у нас весьма неплохи.

Капитан весело засмеялся.

— Какой, говоришь, сегодня день? День Воздвижения Креста Господня? Вот видишь! А ты уже примерял на себя пеньковый галстук... Кстати, не мешало бы тебе привести себя в порядок. В честь праздника! А уж выпивку я тебе сегодня обеспечу, будь покоен!

Матросы, крепившие на кофель-планках снасти, одобрительно загалдели. А Большой Жак широко расплылся в улыбке. Его лицо раздалось так, что глаза потонули во множественных складках кожи, зато огромный рот разверзся до максимально возможных размеров, обнажив два ряда удивительно белых и крепких зубов.

Дон Мигель тоже был чрезвычайно доволен. Теперь он чувствовал небывалый подъём настроения. Ему хотелось шутить, балагурить, делать широкие жесты... Однако тотчас углядел на груди завязки от ночной сорочки и, бросив строгий взгляд на вертевшего головой слугу, довольно сухо приказал:

— Одеваться!.. Мы рано расслабились, Большой Жак. Бой ещё не окончен. Сейчас нам следует уйти из-под пушек нашего гостя. Однако и отходить далеко нельзя. Мы не можем бросить команду на острове.

Дон Мигель внимательно осмотрел бухту. Команда «Valadares» вовсе не сидела сложа руки и, уж конечно, не желала прятаться в джунглях. Они решительно атаковали непрошенных гостей всеми тремя шлюпками, и теперь в бухте разгорелся настоящий морской бой. Отсюда, со шканцев, капитан видел, как его люди прицельным огнём своих мушкетов пытаются разделить чужаков. Те, в свою очередь, отчаянно сопротивлялись. В ярком свете утреннего солнца трудно было разглядеть вспышки. Зато было хорошо видно, как крошечные человечки время от времени подносят к своим головкам длинные трубочки, прикладываются к ним, а затем стремительно выдувают маленькие белоснежные облачка, которые тут же начинают рассеиваться. Через некоторое время со стороны бухты доносился щелчок, что создавало впечатление, будто странные человечки заняты игрой в мыльные пузыри. И эту картину можно было бы посчитать забавной, если не принимать в расчёт, что каждый такой лопнувший пузырь может стоить чьей-либо жизни.

Над палубой чужака поднялось большое белое облако, затем донёсся гул залпа.

— Там тоже не желают терять времени зря, — озвучил свои наблюдения дон Мигель.

Серебристые всплески от ядер взметнулись за кормой фрегата. «Валадарес» решительно уходил в море курсом бейдевинд.

— Э-э... Да ведь это и не голландцы вовсе... — задумчиво просипел Кулевэн.

— С чего ты взял, старина?

— А ты сам посмотри, — повёл подбородком тот.

Дон Мигель присмотрелся к большому полотнищу, лениво развевавшемуся на кормовом флагштоке.

— Пресвятая Дева Мария Гваделупская! Чудны дела Твои, Господи... Этим-то чего здесь понадобилось?

Маленькие фигурки чужих матросов сновали по заваленному снастями шкафуту. Они уже отдали второй якорь в надежде уберечь корабль от встречи с рифами и теперь пытались освободиться от упавшего грота. Широченное полотно покрыло весь правый борт и вместе с рангоутным деревом плавало на воде. Со стороны это было похоже на сломанное крыло альбатроса. Корабль всё дальше сносило к подводным камням западного мыса...

— Вот это да! — басовито воскликнул Фернандес. — Флаг-то вроде как у английского торговца, только наоборот... Кто же это такой может быть? Кого это Большой Жак подстрелил впопыхах?

Матросы возбуждённо загалдели. Но Кулевэн шикнул на них и громко заявил:

— Тихо вы! Желторотые... Датчане это! Чума их заberi. Датчане!.. Я в молодости ходил под таким!

— Точно. Датчане, — рассеянно поддержал капитан. Теперь его больше занимали горизонт да изрезанное неглубокими заливами побережье острова.

А Кулевэна просто распирало:

— Пф-ф!.. Датчане!.. Так это они, собачьи дети, лишили меня сна посреди ночи?! Да я их!.. — И Большой Жак пустился в подробное разъяснение своих намерений.

Дон Мигель не мешал праведному гневу своего канонира. Он молча, в глубокой задумчивости наблюдал за датским кораблём и время от времени поднимал то руку, то ногу, давая возможность Федерико облачить себя в приличествующий обстановке наряд. Поэтому он заговорил лишь тогда, когда слуга застегнул последнюю пуговицу на колете.

— Не печалься, мой друг, — мягко обратился к Большому Жаку капитан. — Не порти цвета своей печени. Я дам тебе возможность получить сатисфакцию от этих господ.

— Попадись они мне!.. — зашёлся в запале Кулевэн. Но тут же внимательно, долгим взглядом уставился на капитана: — Что ты задумал, дон Мигель? — понизив голос, засипел он.

— Только то, что и обещал. И ничего больше! — отчеканил тот.

На палубе воцарилась гробовая тишина. Было слышно, как журчит кильватерная струя за бортом. Матросы изваяниями застыли на своих местах. Одни поправляли и сматывали концы, другие проверяли натяжение снастей, но в целом никто из них не мог по-настоящему скрыть бесцельности своих занятий.

— В чём дело, Кулевэн? Ты, кажется, только что собирался дать фитиля ночным гостям?

Старший канонир исподлобья посматривал на капитана снизу вверх. Его кустистые брови накрывали пол-лица, но глаза под ними всё равно беспокойно бегали. Кулевэн нервничал. Но он был не один, и это поддерживало в нём некоторую решимость.

— Капитан! Ребята хотят знать, что ты собираешься делать... Нас только семеро, капитан! Семеро! Не считая мальчишки!

Дон Мигель поджал губы и молча разглядывал своего офицера. Недавнее возбуждение плавно перетекало в ярость, и теперь капитан старался удержать её в себе. Чтобы отвлечься, он обернулся и посмотрел через плечо на флейт. Неподвижный корабль отгородился от бухты пеленой тумана, словно китайской бумажной ширмой с бледным растительным узором. Это подействовало, звон в ушах постепенно затих, и капитан весьма чётко, с какими-то деревянными нотками в голосе произнёс:

— Уже дважды за этот день ты пытаешься дать мне сомнительный совет, Кулевэн. А ведь ты у нас всего лишь старший канонир, не так ли? Твоя забота — корабельные пушки...

От острова донёсся отдалённый гул.

— О! Слышал? Это кальвинисты палят по нашим ребятам... Мы могли бы уйти, но моя испанская кровь не позволит мне этого. До конца жизни я не смогу искупить перед Богом грех малодушия. К тому же каждый из вас подписывал договор со мной именно для того, чтобы очищать земли Его Католического Величества от всякого сброда. Поэтому я собираюсь взять на бордаж этот чёртов флейт!

Капитан сделал паузу. Матросы побросали снасти и подошли ближе к шканцам.

— Захватить! Если повезёт... А если нет — потопить его прямо у рифа! Вот тогда нам и понадобятся твои пушки, Кулевэн. Так что можешь пока отдыхать. Ты своё дело сделал. И если тебя не убьют до захода солнца, то всё равно получишь свою законную долю. Как все. А призовая доля сделает богачами этих отважных ребят на палубе! Полагаю, любой из наших парней захотел бы оказаться на их месте. Однако сегодня фортуна улыбается только им... Как ты сказал? Семеро? Не считая мальчишки?.. Я бы сказал так: с мальчишкой нас будет семеро! Ты не в счёт.

На палубе одобрительно загалдели. Кулевэн попытался было что-то сказать, но дон Мигель перебил его, обращаясь скорее к матросам:

— Скажи, сколько человек они отправили к нам на шлюпках? Человек пятьдесят-шестьдесят? Не меньше. Но то были не солдаты! Я не видел среди них ни одного солдата! Тогда что делают здесь эти датчане? Я никогда не слышал о датских колониях в здешних краях. Может, кто из вас слышал?.. Я полагаю, что это и есть колонисты... Горизонт пуст! Этот корабль — один! Его никто не поддержит. А на борту, должно быть, полным-полно всякого припаса и обзаведения! Прямо из Старого Света, из самой Дании!.. И охранять его осталось от силы человек двадцать — двадцать пять. Притом не самых отважных. Хотя, может быть, и весьма искусных... в земледелии.

Матросы весело засмеялись. А капитан, загадочно улыбаясь, медленно, с расстановкой и правильно подобранными акцентами добавил:

— К тому же у меня есть достаточно оснований предполагать, что на борту флейта могут находиться женщины.

Матросы замерли, вытаращив глаза, боясь неловким словом или движением спугнуть призрачную надежду на то, что такая неслыханная удача может достаться на их долю. Дон Мигель не торопился нарушать их мечтания, он несколько подождал, а затем продолжил:

— И всё это пройдёт мимо тебя, Кулевэн... Впрочем, я обещал угостить тебя выпивкой! И я сдержу своё слово! — Капитан сделал драматическую паузу, чтобы смысл сказанного дошёл до каждого из матросов. Затем, патетически вскинув руку над головой, закончил: — Господи! Помоги сим заблудшим обрести дары волхвов, и я вином смою прегрешения их! Как Иоанн Креститель в Иордане!

Матросы громко заржали, похлопывая друг друга по спинам и плечам. Кулевэн смущённо хмыкнул, поигрывая бровями, а затем натужно заухал, словно поперхнулся косточкой от лимона. Вопрос был решён. Теперь следовало приступить к его реализации.

— Поворот оверштаг! Приготовиться! Команды исполнять все разом! По местам!

Матросы привычно кинулись к снастям у фальшборта.

— Рико! Ступай к матросам, — обернулся к метису капитан. — Держись Гонсалеса и не зевай. — Затем, не глядя, бросил Кулевэну: — Поможешь ребятам с парусами.

Дон Мигель бегло оглядел снасти и опустил курс до полного бейдевинда. Корабль стал набирать скорость. Капитан немного выждал, затем зычным голосом скомандовал:

— К повороту!

Кулевэн, словно старый ворон, что-то прокаркал, а в ответ уже несло с обеих сторон:

— Есть поворот! Есть! Есть!.. Есть поворот!

Последним отозвался тот же Кулевэн. Его сиплый голос звучал глухо, но канонир старался изо всех сил, и потому получилось вполне сносно.

— Бизань стянуть! — скомандовал капитан и неторопливо положил руль на левый борт.
— Есть стянуть! — и за спиной сразу же заскрипел шкотовый блок.

Матросы быстро разобрали галс-тали рей. Капитан кивнул и покосился на тугое полотнище над головой. Парус натянулся и начинал мелко вибрировать. Снасти запели, как струны огромной арфы. Бизань тонко завывала на пределе слышимости. В воздухе повисло какое-то странное, беспокоящее напряжение. И в это время матросы сообща перебрасопили неповоротливый рей. Дьявольская музыка разом стихла, а корпус фрегата протяжно заскрипел, уваливаясь на правый борт.

— Раздёрнуть фок! — заорал капитан.

Мимо него стремглав пронёсся на шкафут Рико. Молодой Мартинес лихо скатился по трапу правого борта и скрылся под шкаториной. За выпуклым полотном грота капитан видел только орудовавшего у кофель-нагельной планки метиса. Тот что-то воскликнул, и Большой Жак тут же повернулся к штурвалу:

— Фок раздёрнут!

Его лицо сделалось пунцовым от напряжения, а жилы на шее вытянулись смолёными штагами. Однако глаза под мохнатыми бровями светились какой-то свирепой весёлостью.

— Грот на гитовы!

Матросы дружно взялись за снасти грота. Серое полотнище поползло вверх. Собираясь складками, закачалось на ветру.

— Есть на гитовы!

Фрегат между тем медленно поворачивался носом к ветру. Бизань снова заполоскалась, загромыхала, как огромный флаг. Капитан, быстро перебирая рукояти спиц, наматывал трос на барабан штурвала.

Наступал момент истины. Ничем не управляемый, кроме собственной инерции, корабль должен был пересечь линию ветра. Дон Мигель очень не любил этот момент неопределённости. Казалось бы, сделано всё, что можно и должно. Казалось бы, всё идёт к тому, чтобы осуществить задуманное. Однако любая мелочь могла этому помешать. Любая случайная волна, течение, любое незначительное изменение направления ветра могло помешать исполнению манёвра. И тогда всё придётся начинать сначала... С другой стороны, та же любая незначительная мелочь могла и поспособствовать задуманному!.. И всё равно капитан очень не любил этот зловеющий момент бессилия.

Отсюда, со шканцев, был виден лишь дальний конец фока-рея. Тяжёлая серая кирза полоскалась на нём, словно полотно флага за кормой, обрывая шкотовый угол и нещадно дёргая вытравленную снасть. Колыхания шкаторины становились всё быстрее и быстрее, пока не перешли в мелкую дрожь... И вдруг парусина хлопнула, надулась пузырьём, прижимаясь к снастям под марсовой площадкой.

— Фок на вантах! — донеслось с палубы.

Корабль поддёрнуло и ощутимо потянуло на правый галс.

— Перебрасопить грота-рей! — приказал капитан.

Багровея от натуги, матросы заработали брассами. Тяжёлый рей, поскрипывая блоками, проплыл над шкафутом, увлекая широкое полотнище.

— Отдать грот!

В следующий момент парус хлопнул и забрал ветер. Не дожидаясь команды, матросы слетели на шкафут и застыли у кофель-планок.

— Брасопить фока-рей!

Пока рангоутное древо медленно разворачивалось над баком, Фернандо поднялся на шканцы и проследовал на ют... Фок затрепетал и наконец наполнился ветром.

— Фернандо! Бизань, — спокойно распорядился капитан.

Штерты ритмично застучали по жёсткой парусине и смолкли.

— Курс — бакштаг! Брасы крепить, шкоты выбрать! — Капитан отпустил рукоять штурвала, и тот быстро, мелькая спицами, выровнял руль.

Теперь «Валадарес» резво бежал обратно к бухте.

Дон Мигель достал зрительную трубу и внимательно разглядывал происходившее на флейте. Там царила всё та же суета. Матросы уже опустили грота-рей и теперь отчаянно пытались удержать его на борту. Дон Мигель поискал визиром шлюпки. Одна из них безмятежно колыхалась посреди бухты, совершенно пустая, не считая свесившееся через борт тело. Остальные продолжали ожесточённую перестрелку в западной части акватории. Дон Мигель узнал свои шлюпки, они оттесняли датчан к берегу, не давая возможности выйти в море.

Капитан ещё раз окинул взглядом горизонт и опустил зрительную трубу. Всё обстояло как нельзя лучше. Он снова ощущал прилив того упоительного чувства, когда кажется, что стоит только раскинуть руки...

— Старший канонир! — сухо скомандовал дон Мигель.

— Да, капитан! — поспешно отозвался Кулевэн и даже предпринял отчаянную попытку втянуть живот.

— Возьми матросов и доставь на шканцы побольше оружия! Приготовь абордажные крючья!

Повторять не пришлось. Матросы азартно сыпанули на нижнюю палубу. «Valadares» стремительно приближался к датскому флейту. Корабль угрожающе рос прямо на глазах, и даже отсюда было видно, какой он большой.

— Рико, подай пистолеты, — распорядился капитан.

Юноша кинулся к рундуку и тут же бесшумной тенью материализовался по правую руку от капитана. Дон Мигель просунулся в портулю. Рико приладил её и расправил кожаные темляки. Пистолеты тяжело заколыхались вдоль тела, глухо позвякивая при каждом движении.

На трапе снова затопали. Впереди торопливо ковылял Большой Жак. Его руки крепко сжимали охапку мушкетов. За ним следовали матросы, также нагруженные абордажными пистолетами. Последним возвышался Фернандо. Ему по габаритам достались ведро свинца и большой бочонок пороха.

— Слушать меня!

Матросы замерли, уставившись на капитана.

— У флейта слишком высокий борт. Поэтому высаживаться будем на баке. «Валадарес» вяжем здесь, на юте — форштевень сам запутается в парусине грота-рея. Перед атакой Кулевэн расчистит нам палубу хорошим залпом своего фальконета. И вообще, ты остаёшься на борту! Твоя задача — нашпиговать свинцом каждого, кто помешает нам захватить корабль. Рико оставляю тебе в помощь. Он довольно ловко управляет с шомполами. Кармона и Мартинес идут со мной. По левую руку пойдёт Гонсалес, с ним будут Фернандес и Герреро... Все вы ребята опытные, новичков среди вас нет. Однако глядеть в оба! Повторяю: высаживаемся на баке. Фернандес! Возьмёшь гандшпуг. Или даже два! Подопрёшь выходы из кубрика. Мартинес, тебе перекрыть люки на галюн. Дальше — всё как обычно... И да поможет нам святой Эльм! Зарядить мушкетоны!

— Приказ капитана! Шевелись! Шомпол вам...

Работа закипела. А дон Мигель продолжил рассматривать флейт. Теперь это можно было сделать, не прибегая к помощи зрительной трубы...

— Господин...

Голос Федерико прозвучал тихо, но довольно уверенно. Сам он стоял тут же, как обычно, однако в совершенно недопустимой позе человека, принявшего какое-то очень важное решение.

— Святой Христофор! Да что это за день-то такой сегодня! — в сердцах выругался капитан и уже привычным тоном продолжил: — Чего тебе? Ты зарядил пистолеты?

— Да, господин! — отозвался сбитый с толку слуга и тут же продолжил скороговоркой: — Рико зарядил мушкетоны. Рико зарядил пистолеты господина... Рико просит господина взять его с собой! Рико должен сопровождать господина...

— Рико должен слушаться господина! — жёстко оборвал его дон Мигель. — И выполнять приказы. Мои приказы! А я, помнится, приказал тебе оставаться с Кулевэном... Кулевэн!

Капитан поискал глазами своего офицера. Тот деловито копошился у борта со своим вертлюжным фальконетом, но тут же обернулся и с неожиданной прытью заковылял на зов.

— Старший канонир! Почему у тебя люди болтаются без дела? Если так пойдёт дальше, мне ничего не останется больше делать, как одному взойти на борт флейта.

Кулевэн выкатил глаза на капитана, затем сглотнул и хрипло гаркнул совершенно невпопад:

— Да, капитан!

И тут же осёкся, осознав сложившуюся двусмысленность. Но быстро взял себя в руки и с нарочитой грубостью заорал в лицо скукожившемуся Рико:

— Проверить заряды! Марш!

Метиса словно ветром сдуло. А Большой Жак, весьма довольный собой, принялся топтаться рядом с капитаном, желая заговорить и явно не представляя себе, куда девать собственные руки.

Дон Мигель покосился на Кулевэна и решил не искушать судьбу.

— Что скажешь, канонир?

Тот встрепенулся, явно услышав то, чего так ожидал. Однако вместо того, чтобы начать разговор, как-то даже смутился и продолжал молчать. Затем, наконец решившись, начал с главного:

— Ты не подумай, что я испугался, капитан... В моём возрасте глупо бояться. Какая разница, где помирать: то ли на палубе, то ли в портовом кабаке... Да нет! Конечно же, есть разница! Здесь даже лучше... И вообще... Просто в моём возрасте начинаешь быть осторожным. Соломки, там, постелить. Опытом поделиться...

— Смотри! — перебил его дон Мигель. — Видишь, на шкафуте, у грота выстраиваются? Я так и знал, что они представления не имеют, сколько нас на борту. Думают, мы сейчас толпой повалим. Хотят нас на баке залпом встретить.

— Так ведь и встретят! — вскинул мохнатые брови Кулевэн.

— Встретят, — спокойно согласился капитан. — Встретят! Да только ради этой встречи они построили весь свой наличный состав. Соображаешь?

Большой Жак попытался. Но это далось ему далеко не сразу. Зато тут же расплылся в своей неподражаемой улыбке.

— Во-от! — продолжал капитан. — Не каждый день тебе устраивают королевский приём. А нам, дабы не прослыть невежами, ничего не остаётся, как отсалютовать парой-тройкой залпов. Понимаешь, мой друг? И эта честь, честь первого залпа, выпадает именно тебе.

Кулевэн просто сиял от удовольствия, в превеликом обожании пожирая капитана глазами.

— Так что ты уж постарайся, голубчик. Постарайся, — проникновенно закончил дон Мигель.

Кулевэн столь же проникновенно кивнул в ответ, словно не желая звучанием слов нарушить возникший между ними доверительный контакт.

— А теперь по местам! — громко скомандовал капитан.

— По местам, бездельники! — выпалил старший канонир.

Капитан в последний раз оглядел бухту и сосредоточился на флейте. Высокий корабль будто вырастал из воды. Его княвдигед угрожающе возносился над полубаком фрегата, словно

стремился оправдать своё название. Капитан тронул колесо штурвала, стараясь притереть свой борт к обшивке флейта.

— Крюки разобрать! Пресвятая Дева Энкарнасьон, спаси и сохрани!.. Кулевэн! К фальконету!

Форштевень «Valadares» вышел на траверз блинда-рея, стремительно пронёсся мимо ростра, миновал усеянный юферсами руслень и устремился к съехавшему за борт грота-рею. Перед глазами дон Мигеля на мгновение возникла носовая фигура датского корабля. Только теперь он смог рассмотреть искусное изображение какого-то крылатого чудовища с отвратительной змеиной мордой...

— Дерр-жись!

«Valadares» с разбегу налетел на сваленный за борт грота-рей. Капитан едва устоял на ногах, вцепившись в спицы штурвала. Корпус фрегата взвизгнул, всё закрипело, корабль по инерции продолжал наползать на податливое, но упругое препятствие. Его штевень вылез из воды, а палуба стала задираться кверху. Всё покатилося на проседавшую корму. Наконец корабль остановился и, освобождая не в меру плавучий грота-рей, скатился с него назад. Корма приподнялась, и дон Мигель увидел за срезом чужого полубака нестройную шеренгу вооружённых мушкетерами людей, построенных на палубе флейта в два ряда.

— Крючья за борт! — гаркнул капитан.

Матросы вскинулись из-за фальшборта. Змеистые концы с растопыренными когтями крюков разом взвились над палубой и хищно потянулись к снастям флейта. Все заворожённо следили за их полётом, один Кулевэн, сгорбившись, ворочал установленный на вертлюге фальконет и колдовал у казённого, шевеля губами. В следующий момент фальконет заискрился прямо у него под носом и наконец изрыгнул стволом язык ярко-красного пламени.

— Крепи концы! — крикнул капитан.

Матросов можно было не подгонять... Дон Мигель поморщился. С палубы флейта донеслось обычное в таких случаях мычание. Протяжные звуки, напоминавшие о воплях грешников в глубинах ада...

Капитан отвернулся и поправил на перевязи шпагу. Шляпа вдруг слетела с его головы и укатилась к борту. Он собрался было её поднять, но с удивлением обнаружил перед собой Кулевэна. Тот с аркебузой наперевес топтался по палубе в какой-то нелепой позе, по-крабьи суетливо перебирая ногами. Капитан проследил за его взглядом. Там, наверху, на марсовой площадке флейта, в вороньем гнезде сидел матрос и целился ему прямо в лицо. Ствол Кулевэна плеснул огнём, стрелок обмяк и выронил мушкет из корзины.

А Большой Жак уже бодро ковылял к борту, где малыш Рико изо всех сил забивал картуз в казённый фальконета. Матросы споро выбирали концы, закрепляя на кофель-планках петлями. Борта сомкнулись, капитан командовал:

— Сходни на борт!

Оба трапа одновременно перекинулись через расселину, разделявшую планшири кораблей. Дым рассеялся. Капитан увидел шканцы с элегантными плюмажами офицерских шляп, изрытую оспинами переборку шкафута, местами красную от крови, столь же забрызганную палубу с копошившимися на ней, скользившими и норовившими встать матросами и чело- века в украшенной роскошными белыми перьями шляпе, упорно пытавшегося построить в шеренгу свой основательно поредевший отряд. Строгость голоса командира удивительно не соответствовала призывам о помощи, стонам и даже ругательствам команды. С маниакальным упорством офицера от инфантерии он выстраивал своих людей на узком пятачке прямо перед стволом фальконета. Этим грех было не воспользоваться, и капитан командовал:

— Огонь!

Фальконет рывкнул прямо под самым ухом. Капитан едва успел открыть рот, затем вновь услышал протяжные завывания. Больше медлить было нельзя.

— Кармона, Мартинес, за мной! Гонсалес, веди свою группу! С Богом!

Капитан опёрся на мушкетон, подпрыгнул, ухватившись вытянутой рукой за туго натянутый фал, и легко вскочил на планширь фальшборта. Тяжёлые пистолеты грузно перекатывались по животу и бёдрам. Несколько широких шагов над бездной по пружинившему под ногами трапу быстро закончились широким и надёжным планширем флейта. Ещё один шаг — и капитан оказался на территории Датского королевства. А за спиной уже грохотал каблуками Мартинес.

На полубаке царил образцовый порядок. Зато на шкафуте образовался настоящий погром. Капитан с некоторой брезгливостью и даже досадой рассматривал это раскинувшееся внизу пространство, словно погибельное болото, в которое ему надлежало сойти. Конечно, всех этих людей рано или поздно ждала смерть. И, конечно, некоторые из них наверняка должны были встретить её сегодня на палубе. Но то, что наделал своими двумя выстрелами его канонир, слегка ошеломляло. Вся дальняя сторона палубы была не просто запачкана кровью, но попросту залита ею. Резная крашенная переборка с растительными орнаментами безжалостно испорчена шрапнелью и вряд ли когда уже смогла бы радовать глаз. Повсюду висели обрывки снастей, валялись обломки ящиков, закутов для скота и птичьих клеток. В проломе фальшборта, укрытом обширным покрывалом серой парусины, словно под юбками нескромной барышни, виднелся лазурный тригон моря. Тут же валялся раздавленный, словно яичная скорлупа, бочонок. А посреди всего этого вселенского хаоса, за жутковатым шевелившимся бруствером из окровавленных человеческих тел, стояла, сбившись в кучу, небольшая группа уцелевших матросов с мушкетами наперевес. Их бравый офицер лежал тут же, у борта, куда его отбросило последним залпом фальконета. Белоснежные перья его роскошной шляпы казались нетронутыми смертельным шквалом, и теперь она лежала на осквернённой кровью палубе чистой и незапятнанная, словно хитон фортуны.

Кто-то ткнулся в спину дона Мигеля и вывел его из оцепенения. Кармона, уже немолодой и грузный, слегка запыхался, но был собран и сильно напоминал бульдога перед схваткой. Золотая серьга в его ухе мелко подрагивала, глубокие бойницы глаз мрачно обозревали приготовления датчан. Герреро, припав на одно колено рядом с Гонсалесом, прилаживал мушкетон между балясинами перил. А Фернандо, балансируя толстыми руками, уже подбирался к планширю по сильно прогнувшемуся трапу. Все были на полубаке. Капитан решил не дожидаться возвращения Мартинеса. Он вскинул мушкетон... И в этот момент снова рывкнул фальконет. Капитан вздрогнул. От среза носовой надстройки выбросило клубящийся сноп пороховых газов, и дюжина-другая стремительных дымно-струистых метеоров вырвалась из плотного облака, расходящимся пучком понеслась к истерзанной шрапнелью переборке, сокрушая по пути остатки палубного снаряжения. Всё пространство сразу же завесило дымом — впрочем, не столь густым, как это казалось с фрегата. Сквозь призрачную кисею было заметно, как рухнули на палубу последние защитники шкафута. Дорога на шканцы была свободна.

— Гонсалес, вперёд! — крикнул капитан.

Он выждал, пока отряд Гонсалеса скатится с полубака, опустил мушкетон и спрыгнул на палубу. Здесь уже суеился Фернандо, подпирая гандшпугами двери надстройки. Капитан перебросил ему мушкетон и выхватил шпагу. Рядом неловко плюхнулся Кармона, припав на колено и громко стукнув прикладом об настил. За ним лихо соскользнул Мартинес и прямо по планширю побежал к трапу на шканцы. У переборки замелькали матросские шапки, оттуда сразу же грохнул залп. С борта фрегата ответили мушкетным выстрелом. Кто-то взвыл, захлёбываясь крепкой диковинной бранью, и Кармона прямо с колена разрядил туда свой мушкетон. А Мартинес как ни в чём не бывало продолжал бежать, балансируя широкой саблей.

— Кармона! Не отставай! — подстегнул капитан и ринулся догонять своего матроса.

Слева, остервенело ругаясь и орудуя тесаками, пробиралась группа Гонсалеса. А в центре, у шпора грот-мачты, всё пространство было завалено трупами. Пришлось взять правее,

ближе к борту, где в безмятежной позе лежал, перегородив ногами путь, давешний офицер, столь бездарно погубивший своих людей. Дон Мигель вновь увидел ту злополучную шляпу, что привлекла внимание ещё с палубы фрегата. На мгновение он отвлёкся, и его ноги предательски заскользили по пропитанным кровью доскам палубы. Он на секунду застыл. И вовремя! Из груди тел прозвучал выстрел. Лицо обдало струёй пороховых газов. Чуть поодаль раздался ещё один выстрел. Капитан заметил мелькнувшую саблю Герреро, затем выстрелил сам, разрядив один из своих пистолетов. Кто-то закричал, и туда сразу метнулся Кармона.

Дон Мигель быстро нагнулся и, повинувшись внезапному порыву, подхватил шляпу. Она оказалась цела, и он водрузил её на голову. Шляпа легла словно шитая по мерке. Дон Мигель выпрямился и только тут заметил, что Мартинес бьётся сразу с двумя матросами. Капитан бросился на помощь, с ходу заколов одного из них. Шпага с хрустом прошла бок датчанина, тот взвыл и отчаянным махом сабли попытался достать нападавшего. Капитан едва успел отскочить. Матрос упал на бок и, весь подрагивая, так и остался лежать на палубе с капитанской шпагой меж рёбер. Дон Мигель наставил на него пистолет, но добивать не стал, лишь выдернул застрявший клинок, упёршись ногой в поясницу. Датчанин всхлипнул и повалился ничком. Капитан больше не обращал на него внимания. Мартинес добивал своего соперника, а коренастый Кармона привычно маячил золотой серьгой на левом фланге. Там снова раздалась выстрелы. Гонсалес упорно вёл свою группу к завешенному гротом трапу на шканцы.

С фрегата снова жахнуло мушкетом, затем ещё раз. Дон Могель подобрался к трапу и посмотрел наверх. У балюстрады шканцев возник молодой человек с пистолетами в руках. Капитан сразил его выстрелом в упор. Парень повис на перилах, тряхнув белокурой гривой аккуратно завитых волос. Его роскошные пистолеты глухо стукнулись о палубу и откатились к ногам капитана.

Наступила тишина. Дон Мигель огляделся. У дальнего борта, пригнувшись к ступеням трапа, замерла группа Гонсалеса. Рядом припал на колено с трофейным мушкетом в руках Кармона. Кровоточивая рана пересекала его бульдожью физиономию наискосок. С другой стороны сверкал ослепительной улыбкой Мартинес. Все они ждали начала второго акта. Капитан через плечо оглянулся на свой фрегат.

— Что же Кулевэн? Жив? — прошептал дон Мигель, обращаясь к Кармоне.

Тот перехватил из-под мышки клинок, вонзил его в палубу и хрипло, с расстановкой ответил:

— Жив, конечно... Шканцы здесь очень высоки. Не видно ему... А те... Может, к правому борту жмутся... Не достать их с фрегата. Иначе Кулевэн бы...

Позади над головой громко хлопнул выстрел. От неожиданности капитан вздрогнул и резко обернулся.

— Господи Боже! Помяни дьявола — так он и появится!

На полубаке флейта, широко расставив ноги, возвышалась коренастая фигура старшего канонира «Valadares». Тут же маячил размытый пороховым дымом облик подростка, подававшего Кулевэну мушкет.

Датчане ответили нестройным залпом. Пули засвистели над головой, защёлкали о поручни и переборки кубрика.

— Впе-ерёд! — гаркнул капитан и ринулся к трапу.

Несколько ступеней вверх. Короткая остановка. Дон Мигель быстро глянул через порог... В двух шагах от трапа на окровавленной палубе лежал лысоватый пожилой человек и целился капитану в голову. Чёрное, завораживающее, словно змеиный глаз, дуло пистолета глядело чуть повыше переносицы. Над полкой замка уже весело плясал фонтанчик ослепительно-белых искр... Дон Мигель инстинктивно припал коленом на ступень. В следующий же момент под грохот выстрела шляпа слетела с его головы, волосы обдало кисловатыми пороховыми газами. Одним прыжком капитан оказался на шканцах. Короткий выпад налево прекра-

тил агонию человека на палубе. Отход вправо. Выпад в направлении худошавого бородача... Батман. Ещё батман. Рипост... Бородач упал под ноги, заливая кровью сапоги капитана. Слева выскочил Кармона, отбивая саблей удар краснолицего здоровяка. Тот отшатнулся, на его груди расцвело алое пятно... Следом раздался хлопок выстрела. Здоровяк грузно повалился навзничь, и дон Мигель вдруг оказался на опустевшей палубе в окружении своих матросов. А перед ним — несколько ошестившихся шпагами датчан. Ошалевших от безысходности и страха.

— Твоя шляпа, капитан! — вынырнул из-за спины Мартинес и протянул дону Мигелю величественный головной убор.

Все заворожённо уставились на колыхавшиеся перья.

— Благодарю тебя, любезный! — отозвался дон Мигель, перехватил шпагу левой рукой и принял головной убор правой. — Право же, эта шляпа настолько хороша, что я невольно к ней привязался... К несчастью, она безнадежно испорчена.

Капитан перевёл взгляд на обескураженные лица датчан.

— Прошу не удивляться, господа! — громко обратился к ним капитан. — Это действительно шляпа одного из ваших храбрых офицеров. Моя осталась лежать там, на палубе фрегата, пробитая пулей — опять же, одного из ваших храбрых матросов. — И дон Мигель небрежно указал ладонью куда-то через плечо. — Однако сегодня не их день! Сегодня праздник, господа! Сегодня — День Воздвижения Креста Господня! Его надлежало провести в посте и молитве... В посте и молитве. Вы же решили посвятить его пролитию христианской крови!

Капитан замолчал, выдерживая подходящую случаю паузу. Датчане опустили глаза и всё чаще посматривали исподлобья.

— Но Бог милосерден, господа! — патетически продолжал капитан. — Он послал вам доброго христианина. Самаритянина, способного ко всепрощению и милости!.. Покайтесь, господа! И вы спасёте свои души. Сдавайтесь, господа! И вы спасёте свои жизни.

— Кто вы такой?! — с напускной грубостью спросил высокий загорелый моряк с русой бородкой, почти белой на фоне потемневшего лица.

— Я испанский дворянин. Капер на службе Его Католического Величества. Капитан фрегата «Валадарес». Того самого, который вы вероломно пытались атаковать на рассвете. Меня зовут Мигель де Сальватьерра!

С этими словами капитан отвесил защитникам флейта церемонный поклон, едва не коснувшись палубного настила белоснежным плюмажем своего роскошного трофея. В следующий момент он заметил — скорее даже почувствовал! — мелькнувшую тень и безжалостно метнул шляпу в лицо нападавшему. Молодой человек, почти юноша, с реденькими светлыми усиками, от неожиданности опешил. Этого капитану оказалось достаточно, чтобы перехватить из левой руки шпагу и встать ангард. Молодой человек атаковал левым квартом, торопливо и неумело, практически вне меры. Капитан легко отклонил клинок противника. Принял на рикассо, затем быстро обвёл своей гардой вокруг острия шпаги юного задиры и сделал шаг вперёд. Клинок нападавшего оказался под мышкой капитана, и тот, используя шпагу в качестве рычага, ловко вывернул эфес из кисти незадачливого противника.

Некоторое время капитан пристально рассматривал растерянного молодого человека. Матросы держали под прицелом уцелевших датчан, а те безмолвно, не опуская оружия, ожидали развязки. Наконец дон Мигель вымолвил:

— Признаюсь, господа, мне ещё не приходилось встречать столь необычный способ сдаваться на милость победителя. Во всяком случае, он не уронил своего достоинства!.. Мартинес! Этот изобретательный юноша — мой пленник!

Лучезарно улыбаясь, Мартинес лёгкой походкой приблизился к обескураженному молодому человеку, затем резким движением свалил его на палубу и мгновенно затянул узел на сведённых за спиной локтях.

— Однако, господа, — продолжал дон Мигель в притворном изумлении, — я вижу, на этом корабле собрались крайне невежливые люди, мало знакомые с правилами учтивости!

— Я попросил бы не обобщать ваших наблюдений, — мрачно отозвался русобородый моряк. — Моё имя — Ларс Йенсен. Я датчанин, подданный Его Величества Фредерика⁴, капитан флейта «Борнхольм». Из Копенгагена.

— Прекрасно, капитан, прекрасно! Теперь-то я, по крайней мере, понимаю, с кем имею удовольствие обсуждать условия капитуляции... Впрочем! Обстоятельства дают мне полную возможность этого и не обсуждать. Вы не приняли моего предложения. Вы продемонстрировали мне своё вероломство. И, наконец, вы по-прежнему находитесь со мной в состоянии войны! Следовательно, я могу поступить с вами так, как мне заблагорассудится! — Дон Мигель снова сделал драматическую паузу. — Должен предупредить, что когда мои люди поднимутся на борт, мне нелегко будет удержать их от праведного гнева в отношении вашего вероломства и подлости. Однако совесть моя — совесть доброго христианина! — будет причинять мне страдания, если я не предложу вам облегчить свою участь прямо сейчас, немедленно... Итак! Я объявляю «Борнхольм» своей собственностью и принимаю обязательства перед своей командой! — отчеканил дон Мигель. — Угодно вам сложить оружие и сдаться на милость победителя?!

Капитан «Bornholm» опустил голову. Было видно, как нелегко давалось ему решение. Его терзали сомнения. Дон Мигель видел, что капитан флейта не робкого десятка, и вовсе не страхом смерти вызвана эта нерешительность. Вероятно, грех малодушия тоже не давал ему покоя... По крайней мере, так оно представлялось.

Наконец он решился. Капитан Йенсен коротко выдохнул, словно отринул последние сомнения, поднял на дону Мигеля исполненный суровой решимости взгляд и, перехватив клинок узкой длиннопалой ладонью, протянул эфес испанскому капитану:

— Вручаю вам свою шпагу, свою честь и свою судьбу. А равно честь и судьбу своих пассажиров и своей команды. Уповаю на ваше милосердие и христианские добродетели, — глухо проговорил капитан Йенсен.

— Аминь! — живо отозвался дон Мигель. — Вот это мне уже нравится! Люблю благо-разумных людей.

⁴ Король Дании и Норвегии Фредерик III (18.03.1609 — 09.02.1670), правил с 28.02.1648, из династии Ольденбургов.

Дю Валь

Дон Мигель принял у капитана тонкую, изящную, словно спица, шпагу. Она весело засверкала на солнце изукрашенным драгоценными камнями эфесом.

— Это ваша шпага, капитан?

Оружие было дорогим. Непозволительно роскошным для простого и честного моряка, каковым, несомненно, представлялся капитан «Bornholm». Впрочем...

— Да. Но она досталась мне в уплату за место и каюту на корабле.

Дон Мигель согласно кивнул и, обращаясь к остальным датчанам, громко потребовал:

— Бросайте ваши шпаги, господа! И назовите свои имена...

— Nej! Nej! Tusind gange, nej! — взвизгнул юношеский, ещё ломавшийся голос. — Tør du ikke fortælle disse skurke dine ædle navne! Du vil plette dem! Åh, Ve dig! Kæmp! Det er bedre at dø i kamp end at ødelægge din sjæl i det brændende helvede!..⁵

Дон Мигель недоумённо посмотрел на извивавшегося в ногах Мартинеса рыжеволосого юнца. Тот бесновался, словно охваченный одолением, пытаясь подняться с палубы и вывернуться из рук матроса. Глаза сверкали ненавистью. В уголках губ белёсым налётом застывала пена. Слюна брызгала во все стороны, а вопли звенели на самой высокой ноте, угрожая сорвать голосовые связки. Мартинес повалил его на живот и прижал к палубе, наступив башмаком на шею и затылок. Но и тогда неистовствовавший юнец продолжал сдавленным голосом выкрикивать свои проклятия:

— Du skal hænges! Hænge! Hænge!⁶ — не унимался юноша, но не удержался и совсем уж по-детски всхлипнул.

Капитан сделал знак Кармоне. Матросы решительно приступили к датчанам и обезоружили их.

Юноша обессиленно лежал ничком, придавленный щегольским башмаком Мартинеса. Пунцовая щека, полуприкрытая рыжеватыми прядями волос, красноречиво свидетельствовала о несколько чрезмерной старательности матроса, удерживавшего пленника в повиновении. Капитан кивнул Мартинесу, и тот снял свою ногу с шеи расprostёртого на палубе мальчишки.

— Что он говорил? — обратился к Йенсену капитан. — Я, конечно, могу догадываться о явных смыслах столь экспрессивной манифестации, однако хотелось бы привнести в послание полную ясность.

— С вашего позволения, — неожиданно вмешался в разговор белокурый молодой человек, — я могу предположить, что юный Клаузен выражает своё несогласие с положениями Тордесильясского договора⁷.

— Либо передаёт настроения, царившие на этом ковчеге еретиков, — резко парировал капитан, поворачиваясь на голос.

⁵ Нет! Нет! Тысячу раз говорю, нет! Не смейте называть этим негодяям свои благородные имена! Вы запятнаете их! О, горе вам! Сражайтесь! Лучше погибнуть в бою, чем погубить свою душу в пылающем аду!.. (дат.)

⁶ Тебя надо повесить! Вешать! Вешать! (дат.)

⁷ Соглашение между Испанией и Португалией о разделе сфер влияния в мире. Заключено 07.06.1494 в испанском городе Тордесильяс. Одобрено буллой папы Юлия II в 1506 году. Договор уточнял линию раздела, установленную в 1493 году буллой римского папы Александра VI Inter caetera. Демаркационная линия, проходившая через полюса и пересекавшая Атлантический океан, по настоянию португальской стороны была определена в 370 лиг (1770 километров, 1100 миль) к западу от островов Зелёного Мыса — в современных координатах это меридиан 49 градусов 32 минуты 56 секунд западной долготы, или «папский меридиан». Моря и земли к востоку от этой черты отходили Королевству Португалии, к западу — Испании. Таким образом, Бразилия, открытая в 1500 году экспедицией Педру Алвариша Кабрала, попала в зону влияния Португалии. Другие европейские державы (Франция, Англия, Голландия) отказались признать такое положение вещей и активно промышляли пиратством в формально закрытом для них мировом океане.

Дон Мигель внимательно оглядел молодого человека с головы до ног. Тот стоял перед капитаном в непринуждённой позе, прямой и стройный, со скрещёнными на груди руками.

— Я вижу, вы имели возможность посещать юридический факультет. Неплохо, неплохо... Приятно встретить образованного человека в этакой-то глуши. Однако куда же вы направлялись? Где вы намеревались применять свои знания в области права? Здесь? На островах Святой Урсулы⁸?.. Впрочем, судя по всему, вряд ли вы сильно преуспели на юридическом поприще в Старом Свете.

Молодой человек вспыхнул.

— Полагаю, вы имеете веские основания выносить столь категоричные суждения. Однако не будете ли вы столь любезны привести мне свои доводы?

Дон Мигель с интересом взглянул на дерзкого пленника.

— Вас интересуют мои доводы? Извольте. Взять хотя бы тот жалкий перстень на вашей руке, что вы без стеснения выставили всем напоказ. Да и перстень ли это? Возможно, ваш палец просто застрял в пряжке перевязи?

Окружавшие пленников матросы встретили шутку капитана дружным взрывом хохота.

— Напрасно смеётесь, — дерзко возразил молодой человек. — Этот перстень — наследство моего отца!

— Не много же оставил вам ваш отец, — усмехнулся капитан.

— Он оставил мне много больше, чем мирские богатства, — уверенно продолжал молодой человек. — Он оставил мне честь и верность. Честь дворянина и верность долгу!

— Лучше бы он оставил вам небольшое поместье с доходами. Надеюсь, вам хотя бы хватило средств окончить университетский курс...

Капитан почувствовал, как кто-то теребит рукав его батистовой рубахи. Он гневно обернулся и неожиданно увидел перед собой полураздетого Рико.

— Господин! Там Большой Жак... Он лежит. Совсем плохо лежит...

Капитан поджал губы. Он напрочь забыл о своих тылах.

— Мы продолжим наш разговор несколько позже, — бросил он пленнику. — Назовите мне своё имя, законник.

— Олсен. Ханс Олсен. Личный секретарь.

Дон Мигель кивнул и уже значительно громче, обращаясь к капитану Йенсену, задал вопрос:

— Мне сейчас понадобится ваш хирург. Где он?

Датчане переглянулись.

— А-а... Доктор медицины... К вашим услугам, если угодно... — слегка грассируя, проблеял невысокого роста толстяк с мокрыми от пота щеками.

Капитан смерил его взглядом. Хирург производил благоприятное впечатление педанта.

— Угодно! Сейчас вы пойдёте со мной, и, клянусь морскими девами, с этого момента вы находитесь при исполнении своих обязанностей! — отрезал дон Мигель, повернулся и пошёл за Федерико.

Он спустился на шкафут и прошёл знакомыми окровавленными досками на полубак. Семенивший за ним толстяк жалобно вскрикнул и встал как вкопанный.

— Надеюсь, вы не боитесь крови, господин корабельный хирург? — бросил ему через плечо капитан. — Не отставайте!

Он поднялся по крутой лестнице и снова оказался на полубаке. За короткое время здесь многое сменилось в декорациях. По всему было видно, что отсюда вели стрельбу. Валялись мушкеты, пороховницы и мешочки с пулями. А посреди всего этого обзаведения лежал коре-

⁸ Виргинские острова. Колумб, открывший их, назвал их Santa Úrsula y las Once Mil Vírgines (кратко Las Vírgines) в честь святой Урсулы и одиннадцати тысяч девственниц.

настый и грузный Кулевэн. Уже по тому, как посинели его губы, было видно, что дело плохо. Он тяжело дышал и судорожно зажимал бедро окровавленной рубахой Рико.

Дон Мигель опустил на одно колено рядом со своим старым канониром. Кулевэн попытался растянуть губы в жалком подобии улыбки.

— Ну как ты, дружище? — потрепал Кулевэна по плечу капитан. — Неужели решил отказаться от обещанной мною выпивки? А ведь ты заслужил! Заслужил!.. Чёрт подери!.. Смотри, какой славный корабль мы захватили. Неужто даже не поинтересуешься, что там у него в трюмах?

Кулевэн спрятал лицо в морщинистых складках своей располагающей улыбки, теперь, впрочем, казавшейся жалкой и беспомощной.

— Это уже без меня, мой капитан, — тихо просипел он.

— И снова ты хочешь оставить нас. Такой уж, видимо, сегодня день! — воскликнул дон Мигель. — Но я не дам тебе этого сделать! Во всяком случае, не сегодня! Сегодня — по крайней мере, до захода солнца — тебе не суждено расстаться со мной. Так и знай! — Капитан поднялся с колена. — Смотри, какого я тебе хирурга привёл! Настоящий доктор медицины! Это тебе не наш Альфонсо-костоправ, способный лишь ассистировать на собачьей свадьбе. С этим доктором, полагаю, ты уже к вечеру будешь отплясывать вокруг бочонка с мадерой! — Дон Мигель подмигнул Кулевэну и обернулся к датчанину: — Осмотрите раненого.

Датчанин скосил глаз на распростёртого у ног Кулевэна.

— Ваш матрос скоро умрёт, — грассируя, произнёс хирург. — Вы же видите, он потерял слишком много крови.

Дон Мигель отставил ногу и положил ладонь на рукоять пистолета.

— Вам приходилось врачевать огнестрельные раны? — тихо спросил капитан. — Ответьте быстро: да или нет?

— А... Да... Конечно да! — проблеял лекарь. И тут же добавил: — Я имел честь провести целую кампанию с маршалом де Тюренном⁹.

Последнее датчанин произнёс с нескрываемой гордостью и чувством собственного достоинства.

Капитан приподнял левую бровь.

— Вы полагаете, мне это должно о чём-то говорить?

Датчанин смущённо потупил взгляд.

— Впрочем, кампания — это вовсе не пикник с напитками. Должно быть, вам доверяли пользоваться не только полковых лошадей...

Толстяк вспыхнул, его щёки затряслись, а губы поджались в мелкую гузку. Ещё секунда — и он готов был вспылить. Капитан усмехнулся.

— Ну, ну! Не стоит так волноваться, любезнейший. Разумеется, я знаю, о чём идёт речь. Однако смею вас заверить, что кампания, проведённая с Анри де Ла Тур д'Оверн, виконтом де Тюренном, не идёт ни в какое сравнение со службой у Мигеля Сармьенто де Сальватьерра, если иметь в виду последствия, кои определяют в недалёком будущем вашу судьбу. Надеюсь, вы меня понимаете?

Датчанин судорожно сглотнул и закивал головой.

— Назовите мне ваше имя, господин корабельный хирург.

⁹ Анри де Ла Тур д'Овернь, виконт де Тюренн (фр. Henri de La Tour d'Auvergne, vicomte de Turenne, 11.09.1611 — 27.07.1675), известный под именем Тюренн — французский полководец, маршал Франции (1643), главный маршал Франции (с 1660 года). Представитель рода Латур д'Овернь. Один из выдающихся военных тактиков и стратегов и знаменитейших полководцев Тридцатилетней войны. В 1649 — 1651 годах, во время гражданской войны во Франции (Фронды), командовал антиправительственными войсками Фронды, усиленными испанскими отрядами.

— Дю Валь. Антуан дю Валь, доктор медицины Сорбоннского университета... К вашим услугам, — поспешно отрекомендовался тот. Он попытался снять шляпу, но, обнаружив, что её нет, сконфузившись, опустил руки.

— М-м... Так вы француз?

— Собственной персоной, — поклонился хирург.

— Посмотрите раненого, господин дю Валь. Он нужен мне целым и невредимым.

Доктор дю Валь склонился над Кулевэном и принялся его ощупывать. Канонир сдавленно замычал. Федерико присел на корточки рядом с ним и участливо приложил ладонь к потной груди старика. Кулевэн затих, судорожно вдыхая горячие испарения нагретой солнцем палубы.

Капитан отвернулся и долгим взглядом осмотрел сверкавшую бликами бухту. Там уже никого не было. Его матросы оставили преследование разбитого датского десанта и, прихватив трофейные шлюпки, выходили через пролив в открытое море.

— Прошу прощения, господин капитан...

Вкрадчивый, слегка грассирующий голос вернул дону Мигеля на полубак флейта. Капитан повёл подбородком.

— Господин капитан, рана весьма глубока. Пробиты *musculus rectus femoris*¹⁰ и *musculus adductor magnus*¹¹. Но пуля не прошла навывлет, она застряла *in musculus biceps femoris*¹²...

— Я немного изучал медицину в Саламанке, доктор, — нетерпеливо прервал дю Валя капитан. — Но, даже не имея никакого представления об этом почтенном предмете, каждый болван может уверенно сказать, что пуля застряла у него в бедре. Скажите лучше, цела ли кость и не придётся ли бедолаге всю оставшуюся жизнь ковырять деревяшкой грязные доски портовых кабаков? А заодно помолитесь, дабы Господь сподобил вас найти верное средство избежать этого.

— О! По счастью, *corpus ossis femoris*¹³ практически не задето, — радостно сообщил доктор медицины. — Важнее другое! Вероятно, пуля не тронула и *nervus femoralis*¹⁴!

— Стало быть, он может шевелить конечностью?

— Представьте себе! Это поразительно!

— Да, ему сильно повезло!.. Но почему же так много крови? У него что, перебиты артерии? Взгляните! Ещё немного — и он может не дожидаться Святого Причастия.

— О! Пустяки! — воскликнул совсем уж повеселевший доктор. — Кровотечение уже практически прекратилось. Это означает, что *arteria femoralis*¹⁵ осталась цела. Скорее всего, имеется лёгкое повреждение *arteria profunda femoris*¹⁶. И... собственно, пуля в бедре. Как вы изволили выразиться.

— Точнее, *in musculus biceps femoris*. Как вы, доктор, изволили выразиться, — поддержал шутку дон Мигель. — Так извлеките же эту чёртову пулю! Где ваши инструменты?

— В каюте, — выпучил глаза доктор.

Капитан глянул на Кулевэна. Солнце нещадно палило, поднимаясь по вантам грот-мачты. День обещал быть жарким, и бедный канонир едва держался.

— Рико! Натяни полог! — распорядился капитан и, обращаясь к дю Валь, продолжил: — Я понимаю, что не в крюйт-камере. Где расположена ваша каюта? Вы же понимаете, доктор, что промедление не пойдёт на пользу вашему пациенту? Кстати, он ваш соотечественник.

¹⁰ Прямая мышца бедра (лат.).

¹¹ Большая приводящая мышца (лат.).

¹² Двуглавая мышца бедра (лат.).

¹³ Тело бедренной кости (лат.).

¹⁴ Бедренный нерв (лат.).

¹⁵ Бедренная артерия (лат.).

¹⁶ Глубокая артерия бедра (лат.).

Бретонец. Если для вас это имеет какое-либо значение. И, кстати, он по-прежнему нужен мне живым.

— Да-да! Я понимаю! — энергично затряс щеками дю Валь. — Моя каюта расположена недалеко от капитанской, по левому борту...

— Хорошо, — остановил его капитан. — Пойдѐте со мной.

— Конечно-конечно! — залепетал доктор, спускаясь за капитаном. — Только... — Дю Валь вдруг замялся, явно не представляя, как справиться с одолевавшей его неловкостью. — Я вас прошу. Нет! Я вас умоляю! Я заклинаю вас именем вашей матери, капитан де Сальватьерра! Отнеситесь с должным уважением к женщинам. Они...

— К женщинам? — перебил доктора капитан, внимательно его разглядывая. — А теперь поведайте мне всё, что имеет смысл в создавшейся для нас ситуации.

Несчастный доктор отвѐл глаза в сторону. Однако сумел собрать остатки самообладания и оборотился к дону Мигелю.

— Госпожа Сѐренсен...

Дон Мигель терпеливо ждал, но продолжение затерялось в дебрях душевных терзаний доктора.

— Я вижу, вы равнодушны к этой женщине... — начал капитан.

— О нет! Вы меня неправильно поняли! — замахал ладошками дю Валь. — Да нет же! Как можно?! Это немыслимо! Нет! Нет!

— Господин дю Валь! — холодно произнёс капитан. — Я вижу, вы новичок в тропиках и не смогли должным образом уберечь голову от солнечного удара. Здесь это бывает. Я прикажу окатить вас забортной водой! Быть может, вы уже где-нибудь слышали, как это делается людьми моего рода занятий?

Доктор застыл, округлив рот и выпучив глаза. По его щекам снова поползли крупные капли пота.

— Она замужем! — внезапно выпалил он.

— Кто? — удивлённо сдвинул брови капитан.

— Госпожа Сѐренсен, — беспомощно захлопал ресницами дю Валь.

Капитан выправил плечи.

— В отличие от вас, господин дю Валь, лично я не вижу никаких причин, почему бы госпоже Сѐренсен не быть замужем. Равно как и тому, чтобы удивляться данному обстоятельству. Но вот чему я по-настоящему удивлён, так это вашим хлопотам о чужой жене, к которой, по вашему же собственному уверению, вы совершенно равнодушны!

Окончательно сбитый с толку дю Валь лишь всплеснул пухленькими ладошками и замолк, не в силах вымолвить ни слова. Дон Мигель невольно умилился, глядя на этого влюблённого толстячка, и несколько сбавил тон:

— Прилично ли вам, почтенному доктору медицины, любимцу божественных дочерей Асклепия¹⁷, питать вожделение к простой смертной? Которая к тому же ещё и замужем.

— Так ведь она уже не замужем! — возопил ошалевший дю Валь.

На этот раз капитан окончательно потерял терпение.

— Ну знаете, милейший! — угрожающе рявкнул он. — Немедленно извольте объясниться! Иначе, клянусь Святым Причастием, я отправлю вас собирать ядра со дна этой бухты!

Предложенная перспектива произвела впечатление. Дю Валь собрался и, слегка запыхавшись, как от быстрого бега, довольно спокойно сообщил:

¹⁷ Асклепий (др.-греч. Ἀσκληπιός), или Эскулап (лат. Aesculapius) — в древнегреческой и древнеримской мифологиях бог медицины. Его супруга Эпиона (от слова ἤπιος, эпиос — успокаивающий) была олицетворением облегчения боли и заботы, необходимой для выздоровления. Вместе с Асклепием она родила пять дочерей — Асклепиад: Ясо (богиня выздоровления), Панацею (богиня универсального лекарства), Гигиену (богиня чистоты и гигиены), Акесо (богиня благополучия и исцеления) и Эгле (богиня красоты человеческого тела в здоровом состоянии).

— Дело в том, что муж госпожи Сёренсен в настоящее время лежит там. — Доктор, не глядя, повёл рукой в сторону борта. — Так сказать, с пулей in thorax¹⁸.

Дон Мигель проследил взглядом указанное направление.

— М-м... Белый плюмаж?

— Что? Ах да, совершенно верно. Это его шляпу подал вам матрос.

Дон Мигель приподнял левую бровь и медленно произнёс:

— В этой части, по крайней мере, всё понятно. Но что в этом необычного? На войне людям свойственно умирать. Вне зависимости от семейного положения. А где же сама госпожа Сёренсен?

Дю Валь уставился на капитана жалобным взглядом.

— Она сейчас у себя в каюте... И я прошу... Нет! Молю у вас защиты! Защиты и милости для этой достойной женщины!

Капитан помолчал.

— Хорошо! Но вы, помнится, употребляли множественное число в связи с определением границ моей протекции в отношении женщин. Кто они? Сколько? И что собою представляют? Сильно рассчитываю, что вы однолюб.

Доктор смутился. Даже в такую жару дю Валь умудрился покраснеть.

— О! Ничего особенного! Простые женщины, жёны наших поселенцев... Впрочем, полагаю, уже вдовы наших поселенцев... Тем горше их судьба! Тем больше они нуждаются в вашей защите!

Дю Валь почти вызывающе уставил свой взор на дона Мигеля.

— Ничуть не бывало! — небрежно отозвался капитан. — Если женщины здоровы, молоды и недурны собой, они быстро окажутся в руках новых мужей. Впрочем, даже если слегка безобразны. В этих краях чрезвычайно мало белых женщин, поэтому они являются весьма ценным товаром. Вот увидите, ещё до захода солнца все они будут под защитой своих новых супругов. Вот только относительно священных уз брака ничего не могу обещать. Мой священник лежит при смерти на берегу.

— Это ничего! — воскликнул дю Валь. — На корабле имеется свой лютеранский пастор. Уверяю вас, этого будет вполне достаточно, чтобы облегчить участь безутешных вдов.

Дон Мигель поджал губы и тряхнул головой.

— Хорошо! Обещаю, что я дам возможность пастору этого ковчега успокоить совесть женской половины тех тварей, что были взяты на борт по паре. Эти скоты большего и не достойны. Визгу будет меньше. Да и моим матросам развлечение. — И капитан двинулся дальше. — Идёмте же! — окликнул он дю Валя. — За разговорами вы совсем забыли о пациенте. А тот, в свою очередь, оказался достаточно тактичен, чтобы не напоминать нам о себе. Если, конечно, я правильно истолковал его молчание.

Дон Мигель быстро шагал по палубе. Дю Валь мелко семенил следом. Федерико, как всегда, передвигался бесшумно. В какой-то момент каблуки доктора перестали отбивать торопливую дробь. Капитан приподнял левую бровь и обернулся. Дю Валь сидел на корточках возле борта и, поправляя руками полы колета, горестно оглаживал распростёртое на досках тело. Дон Мигель опустил бровь и подошёл ближе.

— Полагаю, это и есть господин Сёренсен? — осведомился он.

Дю Валь шумно вздохнул и как-то по-лошадиному дважды кивнул своей большой головой.

Дон Мигель остановился около тела погибшего офицера. Тот сидел, прислонившись к панелям фальшборта, в несколько неестественной позе, отброшенный туда залпом картечи.

¹⁸ В грудной клетке (лат.).

Лицо его можно было бы назвать красивым, если бы не грубый шрам на левой щеке, который, впрочем, добавлял его образу оттенок мужественности.

— М-м... А господин Сёренсен не искал лёгких путей, — заговорил дон Мигель, обращаясь скорее к самому себе. — Судя по всему, он не был особенно богат.

— Вы так это говорите, будто перед вами его приходные книги, — съязвил дю Валь.

Капитан смерил его уничтожающим взглядом. Доктор скукожился и потерял форму.

— Господин дю Валь, своими скоропалительными суждениями вы едва не нанесли мне смертельного оскорбления. Но я прощаю ваше невежество, ибо воскрешаете вы на алтаре Асклепия, а там, где царит латынь, тускнеет золото. Я же взываю к иным кумирам, да простит меня Господь, Вседержитель наш! И бряцанье мечей сливается для меня со звоном монет в единый набат, как на престольный праздник... Я капитан каперского фрегата! И грош мне цена, если я не смогу по достоинству оценить добытый в бою трофей. Надеюсь, это вам понятно, милейший господин дю Валь?

— Конечно, конечно! — поспешил согласиться доктор. — Мне лишь не совсем понятно, как вы сумели это оценить. Даже не попытавшись ознакомиться с его... родословной. На мой взгляд, господин Сёренсен — блестящий кавалер! Весьма достойный и... и...

Дю Валь стушевался, не находя достаточных аргументов в пользу своих убеждений, и теперь стоял, уставившись на покойного, словно ожидая от него поддержки.

— Я так и думал! — безжалостно парировал дон Мигель. — По сути, вам нечего сказать, кроме того, в чём вы себя убедили, милейший господин дю Валь. Конечно! Кто ещё мог завоевать сердце несравненной госпожи Сёренсен? В результате чего она и стала, собственно, госпожой Сёренсен... Ну-ну, перестаньте же наконец смущаться... Она что, действительно так хороша? Впрочем, это не важно!.. Хотите, я скажу, каков был этот самый господин Сёренсен? Как видно, он был высок, строен и хорош собой. Умел угодить женщинам и произвести впечатление на мужчин. Смел до безрассудства, горд, как Люцифер, и склонен к авантюрам в духе Александра Великого. А кроме того, глуп и расточителен!

Дон Мигель закончил тираду и теперь с любопытством наблюдал всю гамму удивления на лице доктора. Наконец простодушный толстяк открыл рот и тихо пролепетал:

— Да, но как вы?..

Дон Мигель весело рассмеялся.

— Не теряйте головы, дю Валь! Персонаж всё ещё перед нами, даром что, как вы изволили выразиться, с пулей in thorax. О покойных не принято говорить плохо, но мы здесь, если вы заметили, люди довольно чёрствые и в значительной степени прямые. Последнее обстоятельство и даёт мне основание говорить о том, что командир он был отважный, но в той же мере бездарный. Столь сомнительным талантом расточительно использовать своих людей, безусловно, обладает лишь человек, не умеющий ничего, кроме как отдавать приказы. Мы просто помогли ему исполнить свою земную планиду. Как добрый христианин я верю, что деяниями именно таких людей, как господин Сёренсен, Господь и вершит Свой суд в мире дольном.

Дю Валь, столь безжалостно ввергнутый в воспоминание о постигшей их трагедии, горестно опустил голову и тихо возразил:

— И всё же мы не должны забывать о нашем христианском долге перед усопшими.

Он присел рядом с телом Сёренсена и принялся старательно оправлять детали его туалета.

— Мне кажется, я понимаю ваши чувства, — несколько смягчив тон, продолжил капитан. — Вероятно, вы были с ним дружны. Ещё вероятнее — вы играли с ним в карты и устраивали небольшие пирушки в обществе несравненной госпожи Сёренсен. Ибо чем ещё мог привлекать вас этот... э-э... блестящий кавалер, не способный отличить баранью грудинку от Адамова ребра? Допускаю, что вы, господин дю Валь, играли из рук вон плохо. Ну или искусно притворялись, что играете из рук вон плохо, и оставили кавалеру немало монет, дабы иметь воз-

можность пребывать в обществе несравненной госпожи Сёренсен. И, наконец, предполагаю, что сейчас, когда вы не можете непосредственно насладиться пребыванием в обществе несравненной госпожи Сёренсен, единственным и, заметьте, естественным интересом для вас может явиться не столько сам блестящий кавалер, сколько блестящее содержимое его карманов!

Дю Валь вспыхнул, моментально побагровев. А дон Мигель весело захохотал, запрокинув голову.

— Ага! Так, стало быть, я угадал!

Дю Валь неимоверными усилиями взял себя в руки и смущённо залепетал, отводя глаза в сторону:

— Н-нет... Вы неправильно меня поняли... Госпожа Сёренсен... Возможно, она хотела бы оставить что-нибудь на память... о муже.

— Ну конечно! — продолжал развлекаться дон Мигель. — *Omnia mea mecum porto*¹⁹... А больше от него ничего не осталось? Дома, состояние, поместье — нет? Не много же он преуспел, если конфиден²⁰т безутешной вдовы норовит вывернуть его карманы... Впрочем, *qui sine peccato est*...²¹ Рико! Обыщи тело этого господина.

Дю Валь вскинулся, словно его укусила змея, но капитан не дал ему открыть рта.

— Ни слова, дю Валь! Мы с вами не на светском рауте. Здесь нет чувствительных дам, способных заклатить глаза в обмороке. А мужчины вокруг нас слишком заняты своими переговорами со святым Петером. Посему я вовсе не угрожаю вам, но лишь предостерегаю: так вот, если вам ещё раз придёт в голову выходка, имеющая намерение остановить меня или помешать моим действиям, обещаю, что вскоре после этого вы сами станете пациентом моего корабельного хирурга.

Толстяк вытаращил глаза и несколько раз кивнул.

— Прекрасно! Не забывайте об этом — вы мне ещё нужны... Пока нужны... — с нажимом добавил капитан и, обернувшись к метису, нетерпеливо спросил: — Ну что там, Рико?

Слуга выложил на палубу несколько предметов убитого офицера и теперь распускал тесёмки его рубахи.

— Так... Что у нас тут... Пистолеты... Довольно дрянные. Кстати! Дю Валь, обратите внимание. Его пистолеты не достойны даже сержанта!.. Какой у него чин? Не знаете. Он что, не удосужился купить себе хотя бы роту? Что вы о нём вообще знаете, кроме того, что он муж несравненной госпожи Сёренсен?

Доктор молча повёл пухлым плечом и виновато посмотрел на капитана. Тот продолжал:

— Шпага... Табакерка... Что в кисете?.. Так!.. Всё какое-то... Я мог бы подумать, что он истый кальвинист... Кстати, он кальвинист?

— Лю... Лютеранин, — пролепетал доктор.

— Лютеранин? Ну всё едино — еретик... Так нет же! Каков плюмаж!.. Клянусь терновым венцом Спасителя, сей головной убор даже в Эскуриале не каждому пришёлся бы в пору... Готов поспорить, это подарок! И я даже догадываюсь чей!.. А, доктор? — И дон Мигель дружески толкнул локтем грузную фигуру дю Валя. — Да будет вам!.. Чего там смущаться? Дело молодое. Чего не сделаешь ради любви?.. Посмотри кошелёк, Рико! Должен же он где-то хранить монеты доктора... Ну вот! Неплохо! Совсем неплохо... Понимаю ваши чувства, дю Валь, понимаю. И даже отчасти разделяю их. Однако теперь это золото не ваше и даже не моё. Отныне это золото принадлежит Его Католическому Величеству. И моей команде, разумеется! В утешение вам могу сказать лишь одно: себе я не возьму ни одной из ваших монет. В конце концов, вы же мой хирург. Правда, и вам, мой друг, не полагается ничего в качестве призовой

¹⁹ Всё своё ношу с собой (*лат.*).

²⁰ Человек, с которым ведут интимные разговоры, которому поверяют секреты, тайны.

²¹ Кто без греха... (*лат.*)

доли. Что поделаешь, формально вы вошли в мою команду уже после захвата корабля. В этом смысле ваше имущество также подлежит конфискации.

При этих словах дю Валь выпучил глаза и шумно вдохнул, явно желая вступить за свои права. Но дон Мигель не дал ему открыть рта.

— Однако не извольте беспокоиться. Ваше имущество останется при вас. В пользовании. Разумеется, до тех пор, пока вы не выкупите его по обычной стоимости.

— Да?! И какова же, по-вашему, будет обычная стоимость склянок с лекарствами? — запальчиво воскликнул дю Валь. И сразу же взял себя в руки: — Я имею в виду, цена должна быть фиксированной. Мне не хотелось бы переплачивать... м-м... за собственное имущество.

— О, пустые хлопоты! Я думаю, оценку вполне может произвести Альфонсо. Это наш корабельный хирург. Я думаю, он не заломит большую цену, поскольку захочет как можно быстрее от вас избавиться. Ну вы меня понимаете... А вам со своей стороны не с руки будет ударить перед ним лицом в грязь. Он хоть и не учился в Сорбонне, а всё ж имеет солидную практику среди моей команды.

Доктор с достоинством принял горькую пилюлю, отвесив капитану весьма галантный поклон.

— Я рад, что вы понимаете меня, дю Валь. Что поделаешь, мы не разбойники, не пираты. Не всякие там флибустьеры с буканьерами! У нас всё по чести. Мы приватиры Его Католического Величества! Со всеми вытекающими из этого обязательствами и привилегиями... Видите этот золотой эскудо? — Дон Мигель извлёк из складок колета жёлтый сверкающий кружок и повертел его между пальцами. — Я намерен купить за него перстень с руки этого господина. А затем преподнести его даме, которая волею небес осталась в День Воздвижения Креста вдовой. Не знаю почему, но я чувствую какую-то свою причастность к этому событию. И мне хочется сделать этой даме приятное, как-то утешить её, поддержать... Рико! Поддай мне перстни этого господина.

Рико приподнял брови и замотал головой.

— М-м!.. Никогда не мог понять ваших еретических взглядов, — повернулся к доктору дон Мигель. — Живёте как скоты...

— Я католик, милостивый государь! — бурно запротестовал доктор.

— Ну-ну... Католик, говорите? Добрый христианин? А что же вы, позвольте вас спросить, делаете на этом плавучем вертеле? Готов биться об заклад, что с празднования Светлой Пасхи вы не имели Святого Причастия и не исповедовались во грехах своих.

Дон Мигель притворно нахмурился и покачал головой. Ему нравилось управлять расстроенными чувствами простодушного доктора, и теперь он с удовольствием ввергал последнего в пучину душевных мук и терзаний.

— А ведь вы возжелали, дю Валь! Вы возжелали жену ближнего своего. Вы нарушили десятую заповедь!.. И много дней примиряли греховные помыслы со своей совестью!.. Дю Ва-аль! Я начинаю вас опасаться. Ещё немного — и вы, забыв о приличиях, отринули бы и седьмую заповедь!

— Ах, оставьте ваши грязные намёки!.. — возопил несчастный доктор. Его щёки мелко дрожали, а глаза готовы были пролиться трогательными, хотя и неуместными слезами. — Всё это так мучительно... Так...

— Сладостно? Дю Ва-аль... А ведь они любили друг друга. Право, мне было бы жаль нарушать эту идиллию, — притворно сокрушался капитан. — А-а... что это там у него? Федерико, поддай-ка мне это сюда!

Слуга ловким движением стянул с шеи Сёренсена медальон и передал его капитану. Дон Мигель повертел в руках простенькую серебряную вещицу, затем шёлкнул потайной пружиной.

— М-м... Вот это уже кое-что поинтересней. Взгляните-ка сюда!.. Красивая женщина... Это и есть госпожа Сёренсен?

Доктор потрянул своими роскошными кудрями.

— Да, это госпожа Сёренсен... Разумеется! Кто же ещё тут может быть?!

— Я так и думал, — рассеянно согласился дон Мигель. — Вряд ли он стал бы носить на шее изображение другой женщины. Если только она не его мать...

— Вы позволите? — протянул свою пухлую ладонь доктор. — Я передам эту безделушку даме. Быть может, это хоть в малой степени утешит несчастную женщину, так скоро и так некстати потерявшую своего горячо любимого мужа.

— Перестаньте, дю Валь. Полагаю, я не хуже вашего смогу утешить женщину. — Капитан сунул медальон в карман. — По чести говоря, именно мне надлежит исполнить сию скорбную обязанность. Вы не находите?.. Рико, ты хорошо осмотрел его карманы? Время идёт к полудню, и трупы на этой жаре скоро... м-м... обретут некоторые особенности. Вам, доктор, уверен, не впервой профессионально наблюдать подобные трансформации. Однако на борту дамы. К тому же сегодня праздник! В этот день никому не следует омрачать чувства лицемерием скверны, столь очевидно искажающей светлый образ Создателя. А посему, братья мои, воздадим последние почести отважному господину Сёренсену и... вышвырнем его за борт!

— Как?! — захлопал ресницами доктор.

— А вы что, надеялись услышать от меня заупокойную молитву? Можете заказать её позже. Я уже говорил, что нашего падре на борту нет. Если угодно, можете пропеть финальное «аминь» и наконец покончить с этим... Да помогите же мальчишке положить его на планширь!

Доктор опрометью кинулся исполнять приказ капитана. Дрожащими руками он ухватил за колет злополучного офицера и вместе с Рико, задыхаясь от напряжения, втащил его на широкий плоский брус. Дон Мигель открыл было рот, чтобы сказать что-либо сопутствующее, однако дю Валь сделал неловкое движение, и труп выскользнул в лазурные воды, зацепив ногой подбородок метиса. Рико потрянул головой. Господин Сёренсен шумно плеснул за бортом.

— Вижу, что вы были дружны между собой, — буркнул капитан.

Доктор потупился, пытаясь мычанием оправдать свою неловкость. Капитан повернулся и зашагал к трапу.

На шканцах царили радость и уныние. На полные отчаяния лица обвязанных концами снастей пленников невозможно было смотреть без сожаления. В то же время открытая и безмятежная улыбка Мартинеса удивительно гармонировала с ослепительными солнечными бликами лениво вздыхавшего океана. Он стоял у транца и вдохновенно салютовал рукой медленно подходившим с наветра шлюпкам «Валадареса». Там в ответ азартно размахивали шляпами, словно пытаясь добавить ветра своим парусам.

Госпожа Сёренсен

— Ведите, дю Валь, ведите. Не заставляйте себя подгонять.

Толстяк скатился по трапу, словно мешок батата, едва устояв на коротких кривых ножках. Его каблуки отбили сухую барабанную дробь в глухом пространстве под палубой шканцев. Жаркие солнечные лучи косыми призрачными колоннами поддерживали световой люк, накрытый тяжёлой дубовой решёткой. В полумраке жилой палубы витал характерный дух протухшей трюмной воды с обычным дополнением из нечистот и потных, невымытых человеческих тел.

— Каюта капитана Йенсена — там, господин... капитан.

— Капитан де Сальватьерра.

— Нижайше прошу меня простить, капитан де Сальватьерра. Каюта капитана — там.

Дю Валь в полупоклоне указал рукой на узкую двойную дверь в конце коридора. Дон Мигель остановился на нижней ступени трапа и огляделся, привыкая к потёмкам.

— Чьи это каюты?

— Правая сторона отведена офицерам. Напротив, в глубине коридора, проживает госпожа Сёренсен с прислугой. Каюта довольно большая, насколько это вообще возможно в такой тесноте. Рядом расположена каюта господина Сёренсена. Здесь живу я. А дальше...

— У Сёренсена была своя каюта?

— Совершенно верно, — пожал плечами толстяк. — Он делит... Теперь уже делил!.. свою каюту с преподобным Йоргеном.

— Что и говорить, нравы на этом ковчеге царили воистину библейские, — усмехнулся дон Мигель. — А что колонисты? Надеюсь, они жили не вповалку с овцами?

— Ну что вы, — замотал головой доктор. — Я часто бывал на нижних палубах. На каждый лафет — по одной семье. Тесновато, конечно, но жить можно.

— Стало быть, женщин довольно много?

— Почти столько, сколько пушек на флейте. Хотите взглянуть?

— Позже. Сначала — капитанская каюта. К тому же вы пришли сюда за инструментами, не так ли?

Капитан решительно подтолкнул доктора к двери. Толстяк распахнул лёгкую решётчатую створку и скрылся во мраке каюты. Скрипнул в замочной скважине ключ, лязгнула железная накладка замка, и наконец глухо ударилась о борт крышка аптекарского сундучка. Некоторое время дю Валь что-то невнятное бормотал себе под нос, тонко позвякивая склянками, затем громко хлопнул крышкой и вышел из тени. Карманы его топорщились пузырьками, в руках белел большой комок корпии, а под мышкой торчал полированный футляр с инструментами.

— Я готов. Позвольте представить вас госпоже Сёренсен...

— Ни слова больше! — рявкнул капитан. — Мы и так потратили немало времени на её мужа. Отправляйтесь на бак. И советуя не отставать от Федерико — матросы не знают, что вы мой хирург.

Толстяк в ужасе кинулся догонять метиса. Корабль затих, лёгким поскрипыванием жалуюсь на свои застарелые болезни... Тишину нарушил глухой стук с правого борта. Следом, словно картечь из надорванного картуза, просыпался на палубу drobный топот ног. Невнятный гул возбуждённых голосов вперемешку со взрывами разудалого смеха долетал даже сюда, в офицерскую часть жилой палубы. Дон Мигель повернулся на каблуках и поднялся наверх, к своим людям.

Яркое солнце безжалостно окатило жгучим жаром. Капитан прищурился. Молодой Мартинес сиял белозубой улыбкой у штурвального колеса. Рядом сидели на горячих досках пленники со связанными за спиной руками. Матросы со шлюпок взбирались по притопленному рею и пролезали сквозь развороченный фальшборт. Азартные, разгорячённые, с довольными

лицами бродили они по палубе среди окровавленных тел, добивали раненых и возбуждённо галдели.

— Сантьяго!²² — гаркнул со шканцев капитан.

Лужёные глотки подхватили боевой клич. Орали истово, восторженно, на разные лады. Капитан с довольной улыбкой выждал, когда несколько поуляжется ажиотаж, затем продолжил:

— С Божьей помощью, при неустанной молитве небесного покровителя Испании, а также отвагой тех славных парней за моей спиной сей корабль оказался захвачен, и он теперь наш!

Очередной взрыв энтузиазма спугнул усевшихся было на реи чаек.

— Вам остаётся лишь спуститься на нижние палубы и забрать оттуда всё, что может послужить к вящей славе Господней! Ибо Господь послал нам этот приз во славу короля, на процветание Испании и к нашему обогащению! Аминь!

Матросы взорвались восторгом. Их глотки едва не сипели от натуги. Они в задоре пихали друг друга локтями, азартно колотили кулаками по плечам и спинам своих товарищей.

— А теперь слушать всем мой приказ!

Люди на палубе напряжённо замолкли, ощерив разинутые рты в предвкушении потехи.

— На нижней палубе остались колонисты. Товар не портить! Никого не убивать! В крайнем случае вязать по рукам и ногам и волочь наверх. Особенно женщин...

Нутрянной, какой-то грудной рёв, похожий на выдох, пронёсся над толпой.

— Слушать меня! — гаркнул капитан. — Женщины — трофей! Общий! Помните: кто возьмёт чужое, будет немедленно повешен на рее как вор! Каждый должен получить свою долю честно. И он её получит!

Матросы выслушали капитана молча, затем начали понемногу кивать головами и переглядываться.

— К вечеру веедор²³ поделит добычу между всеми. Каждый из вас сможет сделать выбор между золотом и женщиной.

Люди на палубе снова заволновались.

— Сеньор де Эсперадо обеспечит вам честную сделку. Я же со своей стороны обязуюсь оженить вас. Чтобы ваши избранницы крепче любили да жарче обнимали!

Матросы радостно загоготали, подталкивая друг друга локтями.

— Теперь за дело! Бесерра, займись нижними помещениями.

Приказывать больше не пришлось, все разом бросились врассыпную по палубе.

Дон Мигель осмотрелся. Море вокруг сияло чистой бирюзой. «Валадарес» мерно покачивался на ленивой волне, притираясь скулой к флейту. На полубаке под тентом колдовал над Кулевэном толстяк. Его круглая спина напоминала табачный тюк, упакованный в крепкое сукно. Рядом, с коленями выше головы, копошился Рико. Капитан полной грудью вдохнул морской свежести и шагнул на ступеньку трапа.

Жилая палуба, как всегда, встретила духотой и потёмками. Дон Мигель уверенно прошёл до капитанской каюты и толкнул дверь. В помещении было прохладнее. Единственное квадратное окно с распахнутыми настежь створками худо-бедно освещало каюту. Яркое солнечное пятно щедро заливало широкий, беспорядочно заваленный стол. Остальная часть помещения пребывала в тени. По правому борту примыкала к наклонной переборке аскетичная узкая кровать. Напротив сиротливо приткнулся неуклюжий, но крепкий секретер. Капитан решительно

²² В истории испанской Реконкисты огромное значение имело обретение в IX веке мощей святого Иакова (Сантьяго) в Галисии, в местечке Компостела. Святой Иаков становится знаменем Реконкисты. «Сантьяго!» — боевой клич христиан. В 1630 году испанский король Филипп IV подписал декрет о признании этого апостола единственным покровителем испанской нации.

²³ Веедор (исп. veedor — надсмотрщик, контролёр, инспектор) — королевский чиновник, непременный участник любой официальной экспедиции испанцев. Его задача — следить за разделом добычи, определять королевскую долю и при случае исполнять роль судьи.

шагнул к нему, достал дагу и безжалостно взломал замок на полированной крышке. Методично, один за другим, дон Мигель вытаскивал миниатюрные ящички и сбрасывал их содержимое на пол, равнодушно пошевеливая носком туфли. В куче на полу не нашлось ничего интересного. Обычные, ничего не значащие вещицы, имевшие ценность только в глазах владельца. Дон Мигель просунул пальцы в нишу от ящика, пошарил там. Перешёл в следующую. Наконец нащупал прохладный металлический выступ и нажал на него. Пружина щёлкнула. В окантовке секретера открылась потайная секция. Она оказалась пуста.

— Любопытно. Весьма любопытно, — пробормотал капитан.

Он оставил разорённый секретер и подошёл к столу. Массивная столешница была завалена бумагами. Дон Мигель схватил одну, вторую, третью... Под стопкой исписанных аккуратным почерком листов мелькнула знакомая сетка розы ветров. Капитан сбросил бумаги на пол и улыбнулся:

— Ну вот! А я уж было подумал... — дон Мигель упёрся руками в столешницу и принялся разглядывать карту. — Так-так! Этот Йенсен не так уж и прост. Конечно же, он бывал здесь!

В коридоре загрохотали шаги. Дон Мигель достал из-за пояса пистолет и шагнул из освещённого пятна в сторону. Дверь распахнулась, под низкой притолокой возникло лицо абордажного мастера.

— А, это ты! Что у нас с грузом?

— Ничего особенного, — протиснулся в каюту Бесерра. — В основном припасы для колонистов. Кое-что для торговли. Да ещё вот... — мотнул головой маэстре. — Обнаружили в трюме.

Дюжий Бесерра отошёл в сторону. В каюту вошли несколько человек, измождённые и грязные. Зловонные, с густыми щетинами на подбородках и щеках, они отворачивали лица и щурились, прикрываясь руками.

— В клетке сидели, — продолжал Бесерра. — На самом балласте. Внизу.

— Кто такие? — заинтересовался капитан, подходя ближе.

— Испанцы, — громко ответил невзрачный бородатый человек. — Такие же, как вы.

Дон Мигель внимательно посмотрел на дерзкого носатого оборванца.

— Не уверен, что это так. На мой взгляд, разница между нами очевидна.

Бородач насупил брови и глухо произнёс:

— Посмотрел бы я, как слетит с вас лоск после нескольких дней в клетке.

— Вот видите? Вы сами оценили нашу с вами разницу. Откуда вы?

— Астурия. Я из Кудильеро. А этот вот, — бородач указал на высокого красавца, — он из Тазонеса. Остальные — пастухи с предгорий.

Дон Мигель усмехнулся.

— Каким чёртом вас сюда занесло? Вы что, с приятелем перевозили в своей лодке баранов?

Бородач потупился, но тут же вскинул кверху заросшее по самые глаза лицо. В густой, тёмной с проседью шерсти разверзлась узкая щель, и он медленно процедил сквозь жёлтые зубы:

— Мы охотились за французскими ловцами жемчуга на отмелях.

— И ты, вероятно, у них капитан?

— Нет. Наш капитан погиб в стычке с датчанами. Я боцман.

Дон Мигель кивнул головой.

— Сожалею. Полагаю, он был достойным подданным Его Величества. В память о нём я могу принять вас в свою команду. Бесерра, отведи их к остальным. И пусть эскрибано²⁴ запишет их имена в книгу.

Капитан направился к столу, но на полпути остановился и повернулся к двери. Оборванцы топтались у порога и явно не собирались уходить.

— Что-нибудь ещё? — слегка приподнял брови капитан.

Бородач прищурился, разглядывая находившееся в тени лицо капитана, и твёрдо произнёс:

— Мы хотим, чтобы нам вернули наш жемчуг.

Капитан ещё выше приподнял свои брови.

— Ваш жемчуг? А с чего вы решили, что жемчуг, который мы обнаружим на датском корабле, ваш?

— Потому что датчане потопили мой паташ²⁵ и отобрали у нас жемчуг.

— Отличная логика! Если ты вообще понимаешь, о чём идёт речь... Должен ли я рассчитывать, что мне теперь придётся возвратить французским ловцам жемчуга добычу на том лишь основании, что несколько ранее вы потопили их лодки?

Бородач молча сверлил капитана глазами, словно пардовая рысь²⁶ в кустах можжевельника.

— Запомните: всё, что найдут мои матросы на этом корабле, наше. И оно будет поделено между всеми. Начиная от короля Испании и заканчивая трюмным матросом.

Бородач моргнул.

— Значит, мы тоже получим свою часть добычи? Мы ведь из вашей команды, капитан.

Капитан прищурился и приподнял подбородок.

— Вы не получите ничего. Вам ещё предстоит доказать нам своё право на участие в дележе добычи. В настоящий момент я могу вас самих признать за военный трофей. Убирайтесь, пока я не передумал!

Двери за астурийцами затворились, и дон Мигель с интересом углубился в изучение датской карты. Он с удовлетворением покачивал головой, осматривал очертания береговой полосы острова, временами удивлённо вскидывал брови, попутно помечая ногтем отдельные рифы акватории, пока в дверь тихонечко не постучали.

— Кто там ещё?! — недовольно обернулся капитан.

Створки медленно, словно бы нехотя распахнулись. В дверях появился ссутулившийся толстяк. За его спиной на фоне призрачного коридорного освещения маячила статная женская фигура. Дю Валь робко протиснулся сквозь узкий проход и, крайне неловко кланяясь, тихо пробормотал:

— Господин капитан, позвольте представить вам госпожу Элеонору Сёренсен.

— Ах да! — Дон Мигель озабоченно похлопал себя по складкам одежды. — Совсем забыл. Разумеется. Просите.

Капитан извлёк наконец из кармана серебряный медальон и, вооружившись самой учтивой улыбкой, обратил свой взор к двери. У порога стояла обворожительная женщина: мягкий овал лица, округлый маленький подбородок с мушкой, аккуратный носик и глубокие, миндально-карие, совершенно бездонные глаза...

— Наш дорогой Антуан любезно сообщил мне, что вы хотите что-то мне передать... капитан...

²⁴ Королевский чиновник, неперенный участник любой официальной экспедиции испанцев. Своего рода нотариус. Его задача — составлять документы и заверять их.

²⁵ Двухмачтовое парусное судно с небольшой осадкой, своего рода смесь люгера и шхуны. Стандартное водоизмещение составляло 30 — 50 тонн.

²⁶ Пиренейская рысь (*Lynx pardinus*).

В тесной каюте запели ангелы.

— Капитан де Сальватьерра, — мягко грассировал дю Валь.

— Мигель Сармьенто де Сальватьерра, — отрекомендовался капитан. — Благодарю вас, дю Валь, вы можете идти.

Толстяк попятился. Створки дверей наконец сомкнулись. В каюте воцарилась полная тишина.

— Так что вы хотели мне передать, капитан де Сальватьерра? — зазвенела колокольчиками госпожа Сёренсен.

— Вы можете звать меня Мануэль, — неожиданно для себя предложил капитан. — Это моё второе имя. — Испарина выступила у него на лбу. Капитан тряхнул головой и уже более уверенно продолжал: — Я хочу передать своё восхищение вами, госпожа Сёренсен. Однако никак не могу найти для этого подходящих слов. Жизнь моряка сурова и груба, она не похожа на ту, что, по всей вероятности, привыкли вести вы. А команда матросов — вовсе не то общество, где можно оттачивать высокий стиль речи.

Дама одарила капитана благосклонной, совершенно очаровательной улыбкой.

— Я провела на этом корабле несколько довольно утомительных недель в компании капитана и его помощников. Признаюсь вам, у меня нет достаточных оснований спорить с вами. И вместе с тем я нахожу, что для морского офицера вы, мой дорогой Мануэль, достаточно галантны.

Она потянула ему кончики пальцев. Дон Мигель с почтением принял её белую, холёную, с удлинёнными ноготками ручку и, приспустив веки, благоговейно поцеловал. Госпожа Сёренсен чувственно вздрогнула и отняла руку.

— Я вам поведаю маленькую тайну, Мануэль. Близким друзьям я позволяю называть себя Ленор. Но пусть это будет только между нами.

— Какое прекрасное имя — Ленор...

Дон Мигель попытался завладеть её прелестной ручкой, но Элеонора ловко увернулась, прикрывшись игривым взглядом и загадочной улыбкой.

— Так что же вы мне собирались передать, Мануэль? Несносный дю Валь мне всё-всё про вас рассказал.

Капитан выпрямился.

— Надеюсь, несносный дю Валь также рассказал вам и о том, что ваш муж, господин Сёренсен, в настоящий момент покоится на морском дне прямо под этой каютой?

Элеонора вскрикнула, закрыла лицо невесть откуда взявшимся платком и зарыдала. Её округлые плечи вздрагивали, грудь судорожно вздымалась. Дон Мигель потупился, нахмутив брови.

— Сеньора, я в полном отчаянии оттого, что именно мне довелось сообщить вам столь печальное известие. Моя скорбь поистине безгранична... Да что же это! Вам лучше присесть. Сюда, пожалуйста, вот на этот стул... Могу я предложить вам вина?.. Ч-чёрт! Да где же он хранит своё вино?!

Госпожа Сёренсен махнула рукой в сторону. Дон Мигель проследил направление и обнаружил там высокий скромный буфет. На полке оказался кувшин, тяжёлый от плескавшейся в нём жидкости, и несколько бокалов. Один из них Дон Мигель наполнил и преподнёс безутешной женщине.

Элеонора отняла скомканный платок от лица, пригубила вино и отдала капитану бокал, благодарно взглянув на него снизу вверх. В уголках её прекрасных глаз сверкнули крошечные слезинки. Дон Мигель смотрел и не мог отвести взгляда от её матово-бледного лица, столь прекрасного даже в безутешном горе. Его левая бровь медленно поползла вверх...

— Как вы себя чувствуете, сеньора?

— Ленор... Спасибо, Мануэль, мне уже лучше.

— Увы, здесь нет моей заслуги, Ленор. Без вас я не скоро нашёл бы в чужой каюте бокалы и вино.

— Капитан Йенсен был столь любезен, что предоставлял мне свою каюту для приёмов. Мы часто собирались у него с друзьями во время плавания.

— М-м... Это значит, что вы пользовались доверием капитана Йенсена. Должно быть, вам удалось его совершенно очаровать. Но может ли сам капитан рассчитывать на взаимное доверие с вашей стороны?

— Не вижу причин утверждать обратного. А почему вы спрашиваете?

— Я лишь хочу, чтобы вы правильно меня поняли, Ленор. Дело в том, что при взаимном доверии капитану Йенсену будет проще доставить сюда выкуп.

— Простите? Доставить сюда... что?

— Выкуп, Ленор. Выкуп.

В её прекрасных глазах снова заблестели слезинки. Маленький подбородок задрожал, и она прикрыла его носовым платком.

— Вы намерены требовать за меня выкуп? Сейчас? Когда тело моего супруга...

— Не считите меня жестоким, сеньора, но мы не можем соблюдать траур по каждому убиенному. Суровость нашей профессии побуждает нас действовать решительно. И чем скорее вы напишете письмо своим родным, тем быстрее друзья капитана Йенсена доставят за вас выкуп. В определённом смысле я хлопочу о вашей судьбе.

— Вы?!

Дон Мигель непринуждённо прошёлся по каюте.

— Полагаю, вы, должно быть, слышали, что на нижних палубах вместе с вами океан пересекали другие женщины? Это жёны колонистов. Большинство из них сегодня стали вдовами. — Капитан плеснул себе в бокал вина, сделал глоток и поморщился. — Однако они не останутся без мужей надолго. Здесь, в Новом Свете, европейские женщины в определённом смысле представляют собой редкость. Что-то вроде попугаев или обезьянок у вас в Дании. Многие мужчины готовы дать за них неплохую цену.

Он демонстративно, со стуком поставил бокал на край стола, подошёл к Элеоноре и встал рядом со стулом... Тонкий аромат её волос с нотками ладана и корицы заставил его с наслаждением вдохнуть полной грудью. А когда он наконец выдохнул и опустил глаза, его взгляд непроизвольно скользнул по белым склонам покатым плеч, слегка задержался в яремной впадинке и стремительно скатился меж двух изрядных округлостей в тёмную пропасть корсета... Капитан снова тряхнул головой, собираясь с мыслями.

— Так вот, не далее как сегодня вечером пленницы будут представлены моей команде. Мужчины смогут выбрать себе женщин и заплатить за них деньги в казну. Сначала офицеры, затем матросы. Я даже взял на себя обязательство обвенчать их. А оставшихся мы отвезём...

— Вы станете торговать женщинами? — перебила его госпожа Сёренсен. — И мной тоже?

Она смотрела на капитана широко открытыми глазами. Дон Мигель досадливо поморщился.

— Вы снова меня не так поняли. — Он отошёл к столу и сделал приличный глоток вина. — Эти женщины — военный трофей. Как и вообще всё на этом корабле... который без специального разрешения находится в испанских водах. А по условиям патента я обязан передать королю Испании его долю в трофеях. Королевскую квинту²⁷.

Элеонора смотрела на него внимательно и молчала. Капитан снова отхлебнул вина.

²⁷ Королевская пятая (исп. quinto del rey, порт. quinto real) — это исторический королевский налог, согласно которому монарх получал двадцать процентов всех драгоценных металлов и других товаров (включая рабов), добытых его подданными в качестве военных трофеев, найденных в виде сокровищ или полученных в результате добычи полезных ископаемых.

— Разумеется, если бы это было в моих силах, я посчитал бы за честь передать Его Католическому Величеству в качестве квинты вас. К великому сожалению, это практически невозможно осуществить. Королевские чиновники неумолимы. Они в любом случае потребуют определить вам цену.

Капитан неловко улыбнулся. Но госпожа Сёренсен тактично отвела взгляд в сторону. Дон Мигель вернулся к ней и встал сбоку, доверительно положив ладонь на спинку стула.

— Именно поэтому я и предлагаю вам выкупить себя. Так будет проще сохранить своё доброе имя. Угодно вам написать письмо прямо сейчас?

Госпожа Сёренсен медленно подняла на него свои прекрасные глаза.

— Там, где я родилась и выросла, — тихо, почти шёпотом начала она, — где проходила моя жизнь и где я была совершенно счастлива, мой дорогой Мануэль, везде и всюду за женщину платит мужчина.

Капитан судорожно сглотнул.

— А что же этот мужчина получает взамен? — подсевшим голосом выдавил из себя дон Мигель.

— Мужчина получает покорность, любовь и ласку, — ещё тише прошептала она.

Дон Мигель едва не захлебнулся, утопая в глубоком омуте её бездонных глаз...

— Ах, Мануэль! — в притворном удивлении воскликнула Ленор. — У вас, кажется, несколько ослабли подвязки на чулках. Куда только смотрит ваш лакей!.. Позвольте, я вам помогу.

Она грациозно приподняла краешек подола и опустилась на колени.

Посредник

Гамак тихо постанывал, растянутый между двумя пальмами. Робкий ветерок шевелил перистые листья, не обещая прохлады. Сощурившись от солнца, дон Мигель приоткрыл глаза и с лёгкой досадой обречённого простонал:

— Ну что вы там бродите, дю Валь! Идите уже сюда.

Поводя широкими рукавами рубахи, доктор неуклюжей походкой потревоженного гуся засеменил к пальмовому навесу. Оказавшись в тени, толстяк с облегчением промокнул платком стекавшие по щекам капли пота.

— Доброго вам дня, господин капитан! Позвольте ещё раз поздравить вас...

— Пойдите вы к чёрту, дю Валь! Право, эта шутка достаточно затянулась и перестала меня забавлять.

— Не знаю, что и ответить... Но госпожа Сёренсен... Ах, простите! Госпожа де Сальва-тьерра... Она вполне серьёзно всё приняла. Так вы отказываетесь от такой женщины?

Дон Мигель досадливо поморщился.

— Конечно же нет, чёрт возьми! Как я могу отказаться, когда я заплатил за неё из своей доли?

— Что за беда? Свою долю вы легко можете возместить в следующем... рейсе. А вот такие женщины на пути мужчины встречаются раз в жизни. Праотец Адам заплатил за свою Еву Царствием Небесным. И то не возроптал. Ибо Сам Господь дал ему её в жёны. Я разве не прав? Любому видно, что вы поселили даму в своём сердце.

— Пока что я всего лишь поселил её в своей хижине. В ожидании, пока моя каюта будет приведена в порядок. Теперь она живёт со своей служанкой в моих чертогах, а я, как видите, пребываю здесь.

Дон Мигель вяло пошевелил в воздухе свободной рукой. Дю Валь укоризненно покачал головой.

— В Писании сказано: *Et adherabit uxori suae, et erunt duo in carne una*²⁸. Преподобный Йорген соединил вас, и теперь вы вдвоём преодолеете любые трудности...

— Преподобный Йорген — проклятый кальвинист! А я был изрядно пьян... чтобы дать втянуть себя в этот постыдный фарс.

Дю Валь ангелом взмахнул широкими рукавами.

— Вы совершенно правы, господин капитан. Преподобный Йорген — всего лишь лютеранский священник. И наша мать, Католическая церковь, не признаёт их еретических учений... Однако браки совершаются на небесах. И как знать...

— Это вы втянули меня в сомнительное предприятие! Очень жаль, что фра Кампос так плох. Он не позволил бы сотворить подобное беззаконие.

Дон Мигель отвернулся. Ленивая волна мерно лизала влажный берег, с лёгким шуршанием перебирая песчинки.

— И здесь я с вами истины ради не соглашусь, — не унимался доктор. — Вы посмотрите на свою команду, капитан. В лагере царит веселье. Можно подумать, что мы где-нибудь на ярмарке в Труа. Повсюду тюки, корзины, бочонки, сундуки... Люди довольны и счастливы. Одни счастливы своим венчанием, другие довольны возможностью побыть шаферами на свадебном пиру. У них нет и не может быть повода для печали... Вполне возможно, именно оттого, что не вдаются в суть переживаний, терзающих вашу душу. И это понятно. Вы человек более утончённый, более чувствительный к вопросам духовности. Они же люди простые и откровенно радуются жизни, как дети. Даже офицеры! Весьма любопытно... Однако сказано

²⁸ «И прилепится к жене своей, и будут два одною плотью» (лат.) (Мф. 19:5).

же в писании: *Nisi... efficiamini sicut parvuli, non intrabitis in regnum caelorum*²⁹. И вы дали им такой шанс.

Дон Мигель лишь шумно вздохнул.

— А женщины? Ещё вчера эти датские домохозяйки были насмерть перепуганы, раздавлены горем, скорбя по своим погибшим мужьям. Сегодня же они весело щебечут, как беспечные птицы, коим вместо разорённого гнезда предложили просторный авиарий³⁰. Полагаю, госпожа Сё... Госпожа де Сальватьерра также пребывает в приподнятом расположении духа.

Дон Мигель повернулся к назойливому визитёру.

— Оставим это. Какие новости, эскулап?

Доктор смущённо заулыбался, не отводя глаз от гамака с капитаном.

— Шутить изволите... Какие тут могут быть новости? Впрочем, виноват! Никак не могу привыкнуть, что я снова на службе.

Дю Валь развёл руками, подчёркивая широту жеста открытой улыбкой. Дон Мигель смеялся взглядом мешковатую фигуру доктора.

— Это вы правильно подметили, дю Валь. Давайте воздадим должное тому, что вы обязаны творить в поте лица своего! Как там мой канонир? Раненые? Что священник? Отходит?

Дю Валь снова засуетился.

— В каком смысле? А! Трудно сказать. У вашего... Пардон!.. У нашего падре загноилась рана... Рана скверная. Вероятно, от сабельного удара, да?

— Разумеется. У меня в команде бездельников нет, все при деле.

— Конечно, конечно. Я так и подумал... У падре жар. Пришлось несколько повозиться. Я сделал иссечение краёв, почистил. Надеюсь, нам удалось избежать *feu d'Antoine*³¹. Теперь всё в руках Господа. Бог даст, фра Кампос может пойти на поправку.

— Уже неплохо.

— А с Кулевэном дела и того лучше. Рана чистая, быстро затягивается. У нашего канонира чертовски крепкое здоровье! Ещё неделя-другая — и он сможет ходить... Правда, недолго. И недалеко. А пока ещё он очень слаб...

— Неделя, говоришь? — нахмурился капитан.

Дю Валь поджался.

— Неделя... Раньше уж никак нельзя... Это я вам как доктор медицины говорю!

Голос толстяка задрожал, лицо вытянулось в отчаянной попытке изобразить непреклонность и безрассудную решимость защитить уязвлённую гордость цехового достоинства. Дон Мигель лениво усмехнулся и снова прикрыл глаза. Эта изнуряющая полуденная жара расслабляла его. И выматывала. А тут ещё дю Валь со своими оскорблёнными чувствами...

— Ладно. Я рад, что старине Кулевэну не придётся ковырять мою палубу чёртовой деревяшкой. Надеюсь, так же и с остальными?

Доктор дю Валь уже пришёл в себя. К нему вернулось лёгкое расположение духа, а вслед за тем и лстивая, отчасти подобоострастная улыбочка на губах. Однако он тут же согнал её с лица и, скорбно вздохнув, опустил глаза долу.

— Увы, мой капитан, не всем сегодня так повезло, как отроку Исааку, распростёртому на жертвеннике в земле Мориа... Нет, нет! У ваших раненых матросов всё довольно неплохо. А вот двое из датских моряков вряд ли увидят тропический рассвет над этим заливом. Их близкие будут горевать, оплакивая ушедших.

Дю Валь горестно покачал головой. Дон Мигель открыл глаза.

²⁹ «Если... не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное» (*лат.*) (Мф. 18:3).

³⁰ Авиарий (*лат.* *aves* — птицы) — большой вольер для птиц.

³¹ «Антонов огонь» — заражение крови, гангрена (*фр.*).

— Пстой, пстой! Уж не намекаете ли вы, разлюбезный доктор медицины, что это я предназначил их в жертву? Не думаете ли вы, что они оказались достаточно невинны, чтобы с чистой душой проследовать к жертвенному алтарю? И, наконец, не берётесь ли вы утверждать, что именно я оказался не столь милосерден, чтобы остановить руку преданного мне убийцы?!

Батистовые рукава доктора белыми крыльями взвились кверху и протестующе замахали перед лицом.

— Нет!.. Нет-нет! Что вы? Я вовсе и не думал ничего такого! Нет. Я лишь хотел намекнуть... Но, вероятно, совершенно неловким образом!.. Я только хотел сказать — разумеется, аллегорически, в образной, так сказать, форме — что Отец наш Небесный не поощряет расщепленности. Он милосерд. Отвёл роковую десницу, сохранил жизнь... У нас же двое пленников завтра погибнут. Бесславно. И бессмысленно... Их родным и близким останется только оплакивать несчастных. Оплакивать и корить себя за то, что не смогли для них ничего сделать. Утешить, как-то облегчить страдания, отвести участь... Выкупить, в конце концов!

Доктор замолчал, безвольно опустил руки. Дон Мигель кивнул.

— А-а, так вы озаботились моей выгодой.

— Вовсе нет! — поспешно ответил д-р Валь. — Я забочусь о страданиях людей. Тех несчастных, что, как и мы с вами, являются Божьими созданиями.

— Бросьте кривляться, д-р Валь, вы же не священник.

Доктор приподнял брови, изобразив на лице подобие скромного достоинства.

— Да, не священник. Но моя профессия — врачевать человеческие тела. Точно так, как профессия священнослужителя — врачевать человеческие души. Вы не находите, что в этом есть определённое сходство? А что касается вас, мой капитан, то — не сочтите за дерзость — ваша профессия побуждает вас видеть в человеке лишь средство к достижению наживы... Пусть даже небезосновательно.

Дон Мигель чуть помедлил с ответом, рассматривая толстяка, словно любопытную диковину.

— Ваше сходство с падре заканчивается там же, где и начинается. А именно на брэнном теле несчастного болвана... А что, собственно, вы имели в виду, когда болтали о небезосновательности моих видов на достижение наживы? Ну же, д-р Валь! Не зря же вы битый час порхали, как бабочка, вокруг моего гамака.

Толстяк с достоинством возложил нижний подбородок на правое плечо, словно интересуясь силуэтами стоявших на рейде кораблей. Затем, не торопясь, переложил мясистый зоб на левое плечо и оборотился к капитану.

— К вашему сведению, дон Мигель, я всего лишь пытаюсь честно выполнить свой долг.

— Ну разумеется!

— Да-да! Именно долг. Поскольку я одинаково пекусь как о членах команды, так и о ваших пленниках. Надо ли говорить, что для меня они в равной степени творения Божьи?! Наверное, не стоит.

— Воистину так! Умирают и те, и другие в равной степени одинаково. Но лично мне для еретика и верёвки жаль — слишком много чести. Да и вони потом достаточно! Доминиканцы рекомендуют очищать кальвинистов огнём, а по мне, так руки за спину — и в море. Вода всё смывает... А вы, мой друг, случаем, не кальвинист? Как-то уж слишком рьяно радуетесь о судьбах поганных вероотступников.

— Что вы, дон Мигель, что вы! Я католик! И как истинный католик готов проявить христианскую любовь даже к врагам своим. Ибо заповедал нам Великий Учитель: *Diligite inimicos vestros*³².

³² «Любите врагов ваших» (лат.) (Мф. 5:44).

— И какая же вам в этом деле награда³³? — усмехнулся дон Мигель. — Ближе к делу, эскулап. Я вижу, вам хочется что-то мне сказать, но вы в затруднении. А вместе с тем моё терпение заканчивается. Ещё немного — и я прогоню вас к чёртовой матери. И тем завершу аудиенцию. Итак?

Дю Валь заметно оживился, хотя и оставил на лице выражение уязвлённого в лучших чувствах святоши.

— Всё зависит от того, что вы намереваетесь делать с доставшимся вам призом.

Капитан невольно фыркнул. Дю Валь снова заполоскал рукавами.

— Нет-нет! Не так. Это понятно. Совсем не то собирался вас спросить. Я в этом своём качестве человек новый, да и вообще в этих местах нахожусь впервые. Мне неизвестно, как у вас тут принято...

— Остановитесь, дю Валь! — В голосе капитана повеяло холодком, хотя глаза остались полуприкрыты. — Вы корабельный хирург, и вам незачем знать тонкости чужого ремесла. Иными словами, предоставьте это дело мне, а сами займитесь исцелением своих пациентов. Они мне скоро понадобятся. Притом все до единого.

— Так вы не собираетесь их... топить?

— Я не столь кровожаден, дю Валь. По мне, так любая сахарная плантация — лучшее место для закоренелого кальвиниста, чем виселица. Чем они хуже негров? Тем более что труд в поте лица они почитают едва ли не высшим для себя благом. Мне кажется, таким нехитрым способом мы оказываем им неоценимую услугу. Они просто несправедливы к нам!

— Так это меняет дело, капитан! — Голос доктора стал по-кошачьи вкрадчив, в нём проступила непривычная цепкость. — Несколько дукатов скоро растворятся в заливе. Не позже, чем к завтрашнему утру. О чём я уже имел честь докладывать вам сегодня. А что будет, когда мы придём туда, где свершается то, что мне незачем знать?... Там, в трюме флейта, тоже сидят несостоявшиеся пророки, помышлявшие провести свои дни в богатстве и благополучии. Господь посмеялся над их планами. К чему же и вам искушать свою судьбу?

Доктор был красноречив. И чертовски убедителен.

— Чего вы хотите, дю Валь?

Толстяк заговорщически огляделся по сторонам и, понизив голос, зашептал:

— У меня к вам поручение, мой капитан.

— Вот как? — Дон Мигель пристально оглядел ссутулившуюся фигуру. — Не прошло и трёх дней с тех пор, как вы по моей прихоти счастливо избежали участи дешёвого раба на плантации, а уже примеряете на себя обязанности посла и дипломата! Кто же осмелился давать вам поручения? Клянусь святым Иаковом, это дерзость!

Толстяк, потупившись, кротко теребил кружева манжет.

— Не посла, мой капитан — посредника... Никакого ущерба вашей чести тут нет. Как нет и злого умысла. Видите ли, в силу своего высокого положения, вы не можете себе позволить часто находиться там, где мне, простому лекарю, надлежит бывать в рамках своих прямых обязанностей. Нижние палубы, мой капитан, не самое приятное место для благородного идадьго. А мне привычно. Ещё со времён моей службы у... Впрочем, это не важно. Просто я, в силу особенностей ремесла, оказался тем человеком, который способен передать то, что имеет большое значение и важность, но не может достичь ваших ушей... Я лишь почтовый голубь, если угодно.

Капитан продолжал сверлить доктора взглядом.

— Так вы говорите, голубь?... Да-да! Будьте *simplices sicut columbae*³⁴. Это я понимаю. Наставление Иисуса... А теперь вы снова станете толковать мне о своём человеколюбии?

³³ «Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда?» (лат.) (Мф. 5:46)

³⁴ «Просты, как голуби» (лат.). из цитаты: «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак, будьте мудры, как змии,

Доктор ещё ниже опустил голову и сокрушённо покривил толстыми губами.

— Вы смеётесь над моими религиозными чувствами...

— Отнюдь! Мне нет никакого дела до вашей религиозности, даже если вы окажетесь богопротивным кальвинистом. Однако помнится, в напутствии было ещё одно наставление: *Estote ergo prudentes sicut serpentes*³⁵!.. И вот это меня как раз и настораживает. На чьей вы стороне, дю Валь?

— О-о, разумеется, на вашей!

— Постойте! Это был риторический вопрос. Не станете же вы, право, распространяться о своём участии в заговоре... Мне любопытно понять, какая вам польза от того, чтобы ввязаться в сомнительную интригу. С другой стороны, глупость всегда сопровождала человека, начиная с нашего праотца Адама. Грешно осуждать матерей, но разве не она, Ева, исполнила поручение врага рода человеческого, соблазнив доверчивого мужа? — Дон Мигель лениво посмотрел на доктора. — И заметьте, дю Валь, там тоже не обошлось без змеиной мудрости.

— С вашего позволения, не мудрости, а хитрости. Согласно Писанию³⁶.

— А-а, да какая разница... Идите, дю Валь, идите!

и просты, как голуби» (Мф. 10:16).

³⁵ «Будьте мудры, как змии» (*лат.*).

³⁶ «Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог» (Быт. 3:1).

Сделка

Доктор поджал толстые губы и пошёл, волоча ноги, но вдруг обернулся всем телом и, развернув впереди себя ладони, отчаянно зашипел:

— Да поймите же вы! Они хотят выкупить свой корабль!

Дон Мигель энергично перекинул ноги через край гамака.

— Вот! Теперь я не вижу в вас ни мудрости, ни хитрости. Одно лишь отчаяние упустить выгоду. — Капитан поднялся, заправляя рубаху в панталоны. — Впрочем, об этом позже. А теперь расскажите подробно всё, что вам известно... голубь вы наш почтовый.

От былой сонливости не осталось и следа. Дон Мигель стоял перед дю Валь поджарый и стройный, словно полная противоположность тучной фигуре доктора.

— Видите ли... — медленно начал доктор.

Но дон Мигель не дал ему договорить, жестом приказав замолчать.

— Рико! — властно позвал капитан.

Юноша появился беззвучно, словно образовался из папоротников. Доктор невольно поёжился. Особенно ему не понравился широкий, ухоженного вида тесак за поясом метиса. В сложившейся обстановке он навевал неприятные ассоциации.

— Посмотри здесь вокруг, — приказал капитан.

Слуга кивнул и исчез так же внезапно, как и появился.

— Я вижу, вы правильно всё поняли, мой дорогой доктор, — сказал дон Мигель и потянул кверху уголок рта. — Благодарите Бога, что вам не пришло в голову убеждать меня с большей экспрессией и настойчивостью. Впрочем, в этом не было особой необходимости, не правда ли? Вы меня попросили — и я откликнулся. Теперь я полностью ваш. Расскажите мне о своём поручении.

Дю Валь стоял, не в силах оторвать взгляда от пронзительных, притворно-наивных глаз капитана. Но вот улыбки он старался не замечать. Он даже боялся взглянуть на неё. Поэтому он просто мотнул головой в сторону бухты и указал туда же вытянутой рукой.

— Там, за рифом, стоит «Борнхольм»...

— Я знаю, дю Валь.

— Это хороший корабль. Большой и крепкий. Он уверенно держит курс, и у него...

— Мало пушек. А ещё он медлительный и неповоротливый. Дю Валь! Вы хотите рассказать мне о достоинствах и недостатках голландского флейта?

— Да! То есть нет... То есть да! Уф! Вы меня совсем запутали, дон Мигель. — Доктор коснулся ладонью потного лба и откинул за ухо длинную прядь волос. — Я понимаю, как это глупо выглядит с моей стороны, однако меня просили именно так начать этот разговор.

— Кто просил?

— Капитан «Борнхольма». Он полагает, что его корабль... То есть его бывший корабль плохо приспособлен для вашего рода деятельности — и, соответственно, вам, собственно, он ни к чему.

— Он так полагает?

— Именно! Я понимаю, вам, дон Мигель, разумеется, всё это виднее — тут уж я со своими медицинскими практиками и вовсе профан. Однако мне кажется, вы и сами сформулировали основные недостатки корабля в смысле его применения в вашем деле. Мне остаётся лишь перейти к следующим шагам.

— Перейдите уж лучше прямо к делу!

— А... Да! Так вот, капитан Йенсен предлагает вам продать ему этот корабль.

Дю Валь выдохнул, вцепившись взглядом капитану в глаза. На этот раз они были серьёзны. Дю Валь набрал в лёгкие побольше воздуха:

— Вы всё равно будете его продавать! Ну не топить же — ха-ха! — такую ценную вещь В...

Дон Мигель не дал ему договорить:

— Так он навязывает мне сделку? Клянусь честью, это дерзкое предложение!

Дю Валь сморщился, будто раскусил лайм, зажмурил глаза и энергично замотал головой, так что смоляные кудри заплоскались, как уши спаниеля.

— Нет-нет, капитан! Какая может быть дерзость?! Он же купец! Откуда ему знать, что такое дерзость? Будь он благородный идалго... Впрочем, что мог бы сделать на его месте благородный идалго? Ну, наверное... Не знаю!.. Предложить выкуп!.. Наверное... Так он, собственно, и предлагает выкуп.

Дю Валь опасливо покосился на капитана. Тот спокойно рассматривал доктора в упор. Дю Валь приободрился и уже более уверенно продолжал:

— Он полагает — и весьма небезосновательно! — что вопрос о выкупе рано или поздно будет поставлен перед ним... и его товарищами по несчастью. Так зачем же отдалять неизбежное? Капитан Йенсен, насколько я его знаю, отважный человек и, как мне кажется, привык встречать удары судьбы. Он так и сказал, что за все свои прегрешения готов платить по счетам и надеется встретить в вашем лице честного партнёра по сделке.

— Да, — отозвался дон Мигель. — А ещё перехватить инициативу и навязать свои условия торга.

— Инициативу — да! Но не перехватить, а лишь проявить. И какие ещё могут быть условия? Надеюсь, вы понимаете, что железная клеть в вонючем трюме, когда под ногами пищит и чавкает или от мокрой прогнившей соломы, или оттого, что наступил на обнаглевшую зазевавшуюся крысу... В общем, вы понимаете, что это не самое приятное место для состоятельного человека. Он хочет купить себе свободу! Он всеми фибрами своей жалкой, пропитанной коммерцией души жаждет приобрести самое ценное. А что может быть для узника ценнее вольного воздуха, ясного неба над головой и тёплого ласкового солнца?..

— Вероятно, спасение души.

Дю Валь споткнулся, как конь перед живой изгородью, но сразу же буйно загарцевал:

— Безусловно! Безусловно. Однако торгаши и негоцианты лишь в последнюю очередь стремятся омыть свои души целебными водами поста и молитвы. Раньше всего они предпочитают позаботиться о спасении тела. Да, да! Именно тела! Да и что они могут предложить ради спасения души? А вот свои бранные тела жрецы абака и безмена готовы выкупить за те жалкие сокровища, которыми единственно владеют и которые настолько связаны с этим миром, что их невозможно взять в последнее путешествие души. Какая горькая ирония: они стремятся овладеть тем, чем не суждено владеть в вечности!

При этих словах доктор патетически воздел руки и закатил зрачки под верхние веки.

— Постой, постой! — усмехнулся дон Мигель. — Уж не на меня ли бросаешь ты тень своей последней сентенцией? Плохой, однако ж, из тебя переговорщик! Как же ты взялся вести коммерческие дела, если тут же, в присутствии клиента, порочишь предлагаемый к торгу товар?

Толстяк расплылся в довольной улыбке.

— О-о... Этот товар невозможно испортить! Сам по себе он настолько хорош, что о нём можно говорить часами. О нём можно слагать сонеты, возвышенные оды и даже баллады! Он способен звучать как музыка, а его блеск легко затмевает солнце. О, сколько глаз ослепило его сияние! И сколько умов помрачила его величавая красота... Золото! Оно само совершенство. И его место — здесь! Потому что там... — Доктор менторски поднял палец, указуя куда-то в крону из пальмовых листьев. — Там оно будет отвлекать от созерцания божественного.

Дон Мигель обнажил свои великолепные зубы.

— Э, да вы поэт, дю Валь, сказитель. Либо сумасшедший. Сумасшедший, которому помрачила голову величая красота. Что, впрочем, одно и то же. Вы же авантюрист! Безбожник! Скажите, дю Валь, какого чёрта вас вообще потянуло в эти края?

Доктор вытянул вперёд губы и вздыбил утёсами брови, отчего гладкая покрасневшая кожа лба покрылась складками, будто воды залива под утренний бриз.

— Представьте себе — за золотом. Да! Капитан Йенсен довольно щедро оплачивал мои услуги, и я подумал, что хороший дом где-нибудь в Сен-Жермен, недалеко от Латинского квартала, совсем не помешает мне спокойно встретить свою старость.

Дон Мигель невольно рассмеялся. Дю Валь последовал за ним.

— А вы? — неожиданно спросил доктор, когда заряд весёлости почти выгорел дотла.

— Что я? — прищурился дон Мигель.

— Вы задумывались о своей старости? — испытующе спросил доктор. — Как там в сонете...

Heureux qui, comme Ulysse, a fait un beau voyage,

Ou comme cestuy-là qui conquit la toison,

Et puis est retourné, plein d'usage et raison...³⁷

— ...Vivre entre ses parents le reste de son âge³⁸, — закончил строфу капитан. — Прекрасные слова. Прекрасные и справедливые... Только мне некуда возвращаться.

Дю Валь пристально посмотрел на капитана. Дон Мигель поневоле отвёл глаза в сторону.

— Н-нет, я не имел размышлений на этот счёт! — довольно резко ответил капитан. — Я младший из сыновей в своём семействе, и мне нет особой нужды заботиться о том, чтобы продолжать род. Отец оставил мне лишь имя. С таким наследством принято думать о прошлом, овеянном славой и доблестью предков. Но в основном приходится проявлять заботу о настоящем. В первую очередь — дабы не бросить тень на славу и доблесть тех же почтенных предков... А вот о будущем мне думать некогда. Да и рано ещё.

Дю Валь сочувственно покряхтел, переступая с ноги на ногу.

— Ну не скажите, господин капитан. Тут я не могу с вами согласиться. Любое имя чего-то да стоит. Особенно такое, как ваше: Сармьенто... Теперь я понимаю, почему среди офицеров принято именовать вас не иначе как дон.

Доктор со значением поклонился. Капитан воздел обе брови вверх и великодушно принял его неприкрытый комплимент.

— Позвольте мне задать вам один личный вопрос... Не сочтите за дерзость, господин капитан... Я правильно понял, что вы родом из Португалии?

Капитан нахмурился и бросил на него откровенно враждебный взгляд.

— С чего вы, собственно, взяли? — недовольно буркнул он.

— Я слышал позавчера ваше полное имя. Вы произнесли его у алтаря во время венчания.

Капитан недовольно отвернулся.

— Вы правильно поняли. Я действительно по материнской линии наполовину португалец. Моя матушка происходит из старого славного рода Абреу. Но я не склонен часто об этом вспоминать.

— И совершенно напрасно! Вы теперь человек семейный. Самое время подумать о будущем. Юридические тонкости всегда можно уладить. А госпожа де Сальватьерра, насколько я могу судить как доктор, вполне способна принести вам не только семейное счастье, но и реальную перспективу основать собственную родовую ветвь на славном древе ваших предков. —

³⁷ «Блажен, кто странствовал подобно Одиссею, В Колхиду парус вёл за золотым руном И, мудрый опытом, вернулся в отчий дом...» (*фр.*)

³⁸ «Остаток дней земных прожить с роднёй своею» (*фр.*). Жоашен дю Белле (1522 — 1560), перевод В. Левика.

Доктор веско помахал пухленькой пятернёй в воздухе. — Что же касается до вашего «рано», то я вам так скажу: никогда не бывает слишком рано, всегда бывает слишком поздно!

— Вы так думаете? — иронично усмехнулся капитан.

— Совершенно точно! С хорошими деньгами где-нибудь в восточных землях Габсбургов можно купить себе приличный майорат. Нужно лишь немножечко подумать о своём будущем.

— Как я понимаю, капитан Йенсен как раз и предлагает мне задуматься о будущем?

Дю Валь легкомысленно всплеснул руками.

— Ну что вы! Задуматься о будущем призываю я. Капитан Йенсен всего лишь предлагает подкрепить благие цели приличными средствами.

Доктор тихонечко засмеялся, а дон Мигель задумчиво прошёлся вдоль гамака и остановился у сундука с подносом.

— Духота какая! Хоть бы ветерком повеяло... Не желаете ли воды?

Толстяк встрепенулся и облизнул запёкшиеся губы.

— Да, пожалуй! Только мадеры побольше — боюсь подхватить какую-нибудь местную лихорадку.

Дон Мигель плеснул из кувшина воды в оловянный кубок и добавил туда хорошую порцию ароматного напитка. Затем протянул его дю Валью. Себе взял серебряный, тонко инкрустированный золотой насечкой бокал.

— Обратите внимание на этот предмет. Я обнаружил его на «Борнхольме». Бокал мне чем-то понравился, и я прихватил его в качестве трофея... Вы не находите, что всё это немного странно? Датчанин как ни в чём не бывало предлагает мне в качестве сделки то, что я могу у него потребовать просто так. Притом заметьте — именно потребовать! Поскольку он целиком находится в моей власти и выбора практически не имеет. Нет, он, конечно, может отказаться, проявив завидное мужество или, если угодно, беспримерное упрямство — кому как нравится — но ни то, ни другое не избавит его от участи кошель с дукатами. Свобода или плантация? И то, и другое свершится неизбежно под тихий перезвон маленьких золотых кружочков. Так зачем же торопить события? Эти кальвинисты действительно думают, что, активно вмешиваясь в ход событий, могут изменить судьбу?

Дю Валь задумчиво почмокал влажными губами, глядя куда-то поверх бокала.

— М-м... Скорее они считают, что могут обратить на себя внимание Всевышнего исключительно посредством вмешательства.

— Так стало быть, они противятся Богу? Отрицают Его право вершить судьбу?

Доктор оторвался от кубка и судорожно сглотнул. Его мясистое лицо омрачила лёгкая перемена. На лбу выступили мелкие бисеринки пота и, сливаясь, поползли к вискам.

— Насколько я понимаю, они считают, что этим исполняют божественную директиву — трудиться в поте лица своего. Так, через послушание, они искупают грех ослушания...

— Во всяком случае, своей гордыней и высокомерием они оскорбляют учение Господа нашего Иисуса Христа! — Дон Мигель в сердцах выплеснул остатки воды из своего бокала и швырнул его на песок. — Не будь мой падре так плох, я с удовольствием позволил бы ему провести аутодафе!

Дю Валь медленно втянул голову в плечи. Дон Мигель резко повернулся к нему всем корпусом.

— Так вы католик?

Толстяк выпучил глаза и затряс маслянистыми локонами.

— Да! Да! Клянусь Пресвятой Девой, Матерью Господа нашего!

Доктор трижды торопливо перекрестился, не отрывая испуганного взгляда от грозной фигуры капитана. Дон Мигель стоял прямо и твёрдо, но в конце не выдержал и громко захохотал.

— Ха-ха-ха! Видели бы вы сейчас себя, дю Валь! Неужели вы так боитесь встречи с Создателем? Ха-ха! Неужели пренебрежёте возможностью встать одесную у трона Всевышнего? Ах да! Вы же присмотрели себе маленький уютный домик в Сен-Жермен. Неужели он вам стократ милее, чем чертоги небесные? Дю Ва-аль, да вы и впрямь словно ветвь, засохшая на лозе...

Доктор вытирал рукавом набухшие капли пота на лбу и бормотал недовольным тоном:

— Всё бы вам шутить, господин капитан... А я уже человек немолодой. Да и жарко тут, сил никаких нет...

— Ну будет! Будет вам... Повеселили, право, на славу... — Всё так же продолжая посмеиваться, дон Мигель присел на край сундука и спросил: — Ну что вы там толковали про выкуп?

Дю Валь ответил не сразу. Доктор нарочито спокойно поставил свой кубок на поднос и, не торопясь, выпрямился.

— Йенсен предлагает выкупить себя из заточения и продать ему «Борнхольм».

Дон Мигель пожал плечами.

— Это понятно. Но зачем ему «Борнхольм»? За то время, что он будет ждать выкупа, корабль просто черви сожрут. Или он этого не знает?

Дю Валь стоял неподвижно, сообразно важности момента, слегка согнувшись в поясе в направлении капитана.

— Полагаю, он понимает.

— Тогда почему он обременяет моё внимание подобной чушью? Не думает же он, право слово, что я отдам ему корабль взамен на расписку?... Да? Он так думает? Да? Тогда он воистину достойный сын сатаны — отца хитрости, лжи и лукавства! Я всегда говорил, что еретики дышат серой. И от вас, мой дорогой доктор, начинает попахивать вовсе не лекарствами и настоями.

На этот раз дю Валь стоически выдержал насмешку капитана.

— С вами трудно вести дела, господин капитан.

— Со мной невозможно вести дела, доктор. Особенно если вести их бесчестно. Если берётесь представлять чью-либо сторону, милейший, убедитесь для начала в чистоте её помыслов. Таково моё убеждение. Этот Йенсен, по-видимому, принял моё мягкое с ним обращение за проявление слабости и глупости. И это последнее дало ему повод предположить, что честного человека — католика и дворянина — можно обвести вокруг пальца. Для этого гнусного деяния он и выбрал вас — простого корабельного хирурга. В следующий раз будьте разборчивей в деле посредничества. Иной раз самая невинная услуга может стоить вам спасения души... Если только материальный интерес не застилает вам духовного зрения.

Дю Валь церемонно поклонился.

— Благодарю вас за заботу о моей бренной душе, мой капитан. Я непременно воспользуюсь вашим советом, как только мне представится такая возможность. Однако в этот раз кальвинисты не смогут повредить моей репутации бескорыстного радетеля за судьбы сирых и убогих, поскольку речь идёт о честной сделке, без жульничества и обмана. Я провёл обстоятельную беседу с датчанином и убедился в чистоте его помыслов. В свою очередь, Йенсен хотел бы иметь гарантии исполнения договора в случае, если таковому суждено будет состояться. Я взял на себя смелость заверить его в вашей безупречной репутации, обусловленной дворянской честью и личными качествами доброго христианина, чуждого вероломству и двуличию.

Дон Мигель сидел неподвижно, словно поражённый громом. Его левая бровь совсем скрылась под локонами волос, а нижняя челюсть отвисла так, что разомкнула тонкую полосу губ. Наконец он пришёл в себя. Слегка прищёлкнув зубами и багровея лицом, капитан медленно и зловеще произнёс:

— Так вы осмелились поручиться за меня?

Дю Валь хрустнул костяшками пальцев и выпалил одним духом:

— Йенсен предлагает оплату золотом! Немедленно!

Но капитан уже поднимался с сундука, буравя доктора разъярённым взглядом.

— Вы давали слово кальвинисту?! Вы ручались этой сволочи за мою честь?!

Внезапно капитан прервался, и наступила тишина.

— Постой! — Дон Мигель исподлобья разглядывал дю Валь, пытаясь что-то сообразить или припомнить. — Вы сказали, немедленно? Золотом?.. У него есть золото?

— Вот именно! Много золота, целый сундук золота.

Дон Мигель медленно склонил голову к плечу и полуприкрыл веки.

— У моего пленника есть при себе золото? — Голос капитана звучал тихо, но зловеще.
— И он предлагает мне сделку?

Дю Валь шумно вдохнул воздух и быстро затараторил:

— Да-да. Именно поэтому Йенсен просил для себя гарантий. Мне пришлось взять на себя смелость, иначе сделка не смогла бы состояться. Впрочем, его не нужно было особенно убеждать. Однако, учитывая особенность вашего ремесла, ситуация требовала некоторых гарантий. Йенсен опасался...

Капитан оборвал доктора:

— Эт-то... наглость! Неслыханная наглость!.. Он, видите ли, опасался!.. Он правильно опасался! Я прикажу его пытать. Я поджарю ему пятки и вытрясу всё золото, что он спрятал от меня на корабле. Я прикажу разобрать корабль! Эту чёртову посудину, что маячит там, за рифом, как бельмо в глазу... Подумать только! Этот прощелыга предлагает мне заплатить деньги из моего же кармана! По сути, он хочет обобрать меня до нитки, этот кальвинистский ублюдок. Тут уж пахнет не серой. Тут пахнет костром!

Дон Мигель метался вдоль сундука. Песок из-под каблуков разлетался по сторонам от его шагов и резких разворотов. Дю Валь истуканом стоял поодаль, терпеливо ожидая возможности вставить слово. Наконец такая возможность представилась, и доктор не преминул ею воспользоваться:

— Всё так, капитан. Но тогда вам придётся разделить золото с командой.

Дон Мигель шумно развернулся перед дю Валем, смерил его испепеляющим взглядом, затем снова зашагал вдоль сундука. У края истоптанной площадки он остановился и принялся молча разглядывать скалу, за которой на лазоревой поверхности залива лениво покачивался тёмный силуэт флейта, окружённый мерцавшими звёздочками солнечных бликов.

— Теперь вы понимаете, капитан, почему я настаивал на конфиденциальности? — тихо продолжил дю Валь. — Йенсен тоже полагает, что эта сделка касается только вас двоих. Я не в счёт. Мы все прекрасно понимаем, что моё положение зависит только от вашего расположения ко мне. Я не пленник, но и не член команды. Они никогда не примут меня и считают моё положение вашей прихотью. Что, в принципе, так и есть на самом деле...

Дю Валь остановился. Но капитан молчал, рассеянно оглядывая залитую солнцем бухту.

— Йенсен хочет спасти всё, что можно. Поэтому он отдаёт последнее. Но и просит немало: он хочет купить корабль, собственную свободу и свободу своих матросов. Вы можете посчитать, что это уж слишком, но должен же кто-то вести корабль через Атлантику.

— Вы, конечно, планируете уйти с ним в Старый Свет? — не оборачиваясь, осипшим голосом спросил капитан.

Дю Валь скромно пробормотал:

— Мне бы, конечно, очень хотелось. Но мы не обсуждали вопрос таким образом.

Дон Мигель кивнул и вновь замолчал, рассматривая бухту.

— Йенсена не интересуют другие пленники. Как, впрочем, и товары на борту. Небольшой запас провианта, вода и, разумеется, оружие. Пушки можете заклепать, а мушкеты понадобятся для заготовки вяленого мяса на весь оставшийся путь. И фора по времени до погони. Желательно два-три дня...

— О какой сумме идёт речь? — не меняя позы, спросил капитан.

— Десять тысяч золотых песо³⁹, — скромно ответил дю Валь.

Капитан повернул голову. Дю Валь инстинктивно отступил назад.

— Этого слишком мало для того, чтобы предлагать такие условия. Он бы ещё предложил мне свои сапоги! Мерзавец! За один только корабль я получу гораздо больше, не считая их бараньих голов, которые тоже кое-чего да стоят на рынке рабов. А то, что он отдаёт всё, что есть — это не аргумент. «Чёрному дереву» из Анголы тоже нечем платить, так что же, их отпускать с плантации за связку бананов? Нет, с паршивой овцы хоть шерсти клок, а жирная да нагулянная вся пойдёт в дело.

— Всё именно так, капитан, — тихо возразил доктор. — Вот только для того, чтобы быстро продать такой корабль, вам надо будет сделать порядочную скидку. Иначе, как вы сами изволили заметить, днище могут повредить эти мерзкие морские паразиты. То же и с пленными. Они не такие крепкие, как «эбеновое дерево» из Анголы и Конго. Многие могут не дожить до торговой площади. К тому же, сколь бы велика ни была сумма, вырученная от продажи, её следовало бы поделить между всеми членами экипажа, насколько я смог уяснить себе положение дел. Не говоря уже о королевской доле и церковной десятине. А часть всегда меньше целого.

Дон Мигель снова воззрился на игравший бликами ультрамарин бухты. Доктор немного подождал, затем продолжил развивать успех:

— Нет, капитан, что вы ни говорите, а я не могу представить себе суммы, уплаченной за корабль с дюжиной рабов, которая даже в вашей капитанской доле составила бы десять тысяч золотых песо. Это же не манильский галеон⁴⁰, право! С этой стороны нельзя даже и мысли допустить, что вы продешевили. Вы сразу же получаете целый сундук золота!.. Вот, почитай, такой же, как этот. Его трудно даже поднять, особенно в одиночку... А вот в одиночку владеть им — совсем другое дело.

При этих словах толстая физиономия доктора невольно расплылась в широкой масляной улыбке, словно лепёшка, снятая с жаровни заботливой рукой домовитой хозяйки.

— К тому же вам теперь неплохо бы подумать о своей семье. Госпожа де Сальватьерра не сможет долго жить с вами в каюте...

Капитан неопределённо повёл плечом.

— Теперь, дю Валь, в ваших речах отчётливо слышатся отголоски змеиной хитрости, — задумчиво проговорил дон Мигель. — Или мудрости — смотря с какой стороны взглянуть. Однако в любом случае сейчас вы явно пытаетесь меня искусить. Разве не так?

— Конечно нет, мой капитан! Вы наделяете эпическим смыслом простую банальность. Вы слишком щедры даже в порицании порока. Не мне предлагать вам судьбоносное яблоко, не мне искушать вас плодами с древа добра и зла. Это сделали другие. Давно. И незаметно для вас. Я лишь могу поспособствовать в обретении понимания об истинном положении дел, как это случилось с нашими прародителями. И вовсе не моя вина, что здесь и сейчас добро и зло находятся в одном сундуке... Чтобы заполучить его, многие соглашаются на причинение боли и страданий. И тогда из сундука на свет просачивается зло! Но бывает, некто совершает благородные поступки... И тогда из сундука в мир проистекает добро. Что именно выпустить из обитого стальными полосами ларца, решает его владелец. Важно помнить, что это вовсе не ларец Пандоры и он не обязательно набит одними несчастьями.

³⁹ Песо (исп. peso — буквально «вес», от лат. pensum — «взвешенный») — условной единицей измерения служил вес кастильяно (castellano) — золотой монеты, вес которой равнялся 4,6 — 4,7 грамма. Эта единица так и называлась peso de oro — «золотой вес».

⁴⁰ Входящие в состав флота Индии испанские тяжеловооружённые торговые галеоны, с 1565 по 1821 годы ежегодно курсировавшие через Тихий океан между Манилой (Филиппины) и Акапулько (Мексика). Этим маршрутом два раза в год осуществлялась связь Испанских Филиппин с метрополией. Ценные восточные товары с Филиппин доставляли в Акапулько, затем переправляли по суше в Карибский бассейн и отправляли морем в Испанию.

Дю Валь остановился. Дон Мигель тоже молчал... Лёгкий ветерок колыхал перистые опахала пальм... Доктор не выдержал:

— Что вас беспокоит, капитан? Вы думаете о том, что скажет команда? А почему это должно вас занимать? Разве они протянули вам в трудную минуту руку, а вы теперь платите им за это чёрной неблагодарностью? Сомневаюсь. Хотя и не ведаю истории вашего жизненного пути. Скорее уж именно они пришли под ваши, так сказать, знамёна благородного идадьго, дабы поправить свои житейские обстоятельства кабацкого отребья. И теперь они должны быть благодарны вам за то, что вы своим умом и отвагой даёте им возможность добывать столько вина и пищи, что у них даже развились беспечность с праздностью в чрезвычайных, надо сказать, размерах.

— А ведь он знал, что я не прикончу его... — неожиданно обронил капитан.

Дю Валь помолчал, ожидая продолжения. Тишину нарушали лишь отдалённые крики какаду да мерный шелест прибоя. Даже насекомые не тревожили своим жужжанием томного послеполуденного безмолвия. Дю Валь спохватился:

— Кто? Йенсен? Конечно знал. И поверьте, моё символическое поручительство отнюдь не было тому причиной. Он неглуп, этот капитан Йенсен, и благородного человека видит на расстоянии. Вы вовсе не тот, кто станет губить свою душу ради гибели другого... Хотя, если быть откровенным, кое от кого следовало бы избавиться, мой капитан. Я имею в виду тех аквитанцев, что были приняты в команду. Они по-прежнему всем недовольны и пытаются подбивать остальных... Перевели бы их на «Борнхольм», а там уж как Бог рассудит...

Дон Мигель наконец повернул голову. Брови были нахмурены, челюсти крепко сжаты.

— Мудрёно говорите... доктор, — процедил капитан.

Дю Валь шумно вздохнул и, скромно потупив глаза, поджал губы.

— Я подумаю над предложением Йенсена, — холодно продолжал капитан. — Так ему и передайте. А теперь можете идти. Мне нужно сделать кое-какие распоряжения.

Выкуп

Свеча на столе немилосердно коптила. В тёплом мерцании приглушённого света костяные фигурки на рукояти пистолета слегка шевелились. Роскошный трофей был, несомненно, исключительно хорош!.. Дон Мигель откровенно любовался элегантной формой двуствольного пистолета, его оригинальным зеркальным расположением стволов, безупречным исполнением немецкой работы колесцового механизма, тонкой инкрустацией прямой рукояти и цевья...

— Однако он совсем не торопится, вы не находите, дю Валь? Ещё немного — и нам придётся осуществлять погрузку под утренние приветствия моей команды.

Доктор открыл было рот, чтобы ответить, но в дверь тихо постучались. Дю Валь вопрошающе глянул на капитана и, вскочив из-за стола, бросился открывать дверь. Дон Мигель лишь подобрал ноги и подвинул пистолеты к себе.

В приоткрытую дверь вошёл Йенсен. Следом за ним маячил в темноте Федерико. Дон Мигель посмотрел на своего слугу. Тот едва заметно кивнул, и капитан убрал пальцы с рукояти оружия.

Грузный доктор отошёл в сторону, пропуская вперёд Йенсена. Обеими руками тот придерживал на животе довольно объёмистые холщовые мешки, что висели у него на перекинутой через шею верёвке. Фитиль свечи задрожал, отчего тени заплясали по переборкам каюты, как дикари-индейцы вокруг догоравшего костра. Статная фигура Йенсена заколыхалась, словно в беззвучном смехе, но он шагнул к столу и хрипло сказал:

— Всё. Это последнее.

Дон Мигель молча кивнул, а Йенсен крепко обхватил ладонями выпуклые мамоны мешков и грохнул увесистую ношу на стол. Пламя свечи снова затрепетало, оживляя аскетическую обстановку капитанской каюты.

— Дю Валь! — утомлённым голосом позвал дон Мигель. — Будьте так любезны.

Толстяк с готовностью засеменил к столу. Федерико застыл у двери, прислонившись к притвору.

Обогнув стол, доктор принялся распускать узлы, затем обеими руками поднял один из мешков к задранному вверх плечу позеленевших бронзовых весов и водрузил его на подвешенную тонкими цепочками чашу. Весы, мерно покачиваясь над столом, медленно, какими-то рывками опустили чашу вниз.

— Придётся убавить, — хихикнул доктор, разматывая горловину мешка.

Он запустил пальцы внутрь, пошуршал там, затем вынул сжатую горстью ладонь и сделал резкое движение кистью в сторону большого подноса с подсвечником. Несколько золотых монет, коротко звякнув, упали на горку тускло отсвечивавших эскудо и растеклись по подносу. Плечо весов пошло вверх, уравновесившись, нехотя закачалось на цепи под бимсом.

— Ещё тысяча песо, — возбуждённо пропел дю Валь, завязывая на горловине холщовые тесёмки.

Толстяк, пританцовывая, бодро стащил мешок с бронзовой чаши и понёс его к иллюминатору, где на кормовом рундуке возлежали его собраты, взвешенные и перевязанные льном.

— Ещё тысяча песо, — продолжал веселиться дю Валь. — Ещё один мешок. Зацеплю за ремешок... Вот так! Деньги любят счёт. Деньги любят счёт... Да!

Дон Мигель лениво наблюдал за порхавшим по каюте толстяком, снисходительно улыбаясь и поглаживая бородку.

— Вы, случайно, не ошиблись с профессией, мой дорогой доктор? Судя по тому, как вы любите золото, вам следовало бы избрать планиду купца. В этом деле, полагаю, вам удалось бы продвинуться необычайно далеко, вы не находите? Посмотрите на Йенсена! Он купец, но по

сравнению с вами — настоящая роstralная фигура. Видите, как он бесстрастно наблюдает за тем, как вы подсчитываете монеты?

Дю Валь оставил в покое мешок и веско парировал:

— Это потому, что он наблюдает, как утекает его золото. На его месте и я стоял бы подобным истуканом. Но это всё, что я смог бы сделать на его месте! Не мне пускаться в рискованные торговые экспедиции. Не мне нести тяготы кочевой жизни. Я человек домашний. Книжный. Мой удел — городское предместье. Моё кредо — умеренность и постоянство.

— А-а! Ну тогда вы должны были стать лавочником!

— М-м... Скорее аптекарем! Не более чем...

Дю Валь принялся за второй мешок. На этот раз чаша весов, поколебавшись, вернулась в исходное состояние, вознеся свою ношу под потолок, к бимсу.

— У-у! А здесь требуется добавить! — азартно воскликнул доктор.

Он зачерпнул монеты горстью с большого подноса, поднял руку и ловко по одной начал отщёлкивать эскудо прямо в чашу. Чаша глухо позвякивала после каждой монеты, набирая вес, пока не тронулась в путь в стремлении обрести равновесие. Доктор перестал подбрасывать эскудо, и весы застыли, покачиваясь, параллельно крышке стола.

— Ну вот! Последняя тысяча песо.

Дю Валь пребывал в крайней степени экзальтации, отчего все его сообщения звучали восторженно. Дон Мигель усмехнулся и встал со стула.

— Выкуп внесён полностью, — произнёс он спокойным деловым тоном с изрядной долей торжественности. — Капитан Йенсен, вы свободны! Отныне этот корабль, равно как и его матросы, находится в вашем распоряжении. Не смею вас задерживать.

С этими словами дон Мигель взял со стола большой заржавленный ключ и передал его капитану. Тот прижал его к груди, словно это был ключ от сердца.

— Благодарю вас, капитан де Сальватьерра. Я знал, что вы окажетесь честным человеком.

Дон Мигель открыл было рот, чтобы ответить любезностью на любезность, но его внимание отвлёк дю Валь, который возился с последним мешком и теперь тянул свои руки к подносу с монетами.

— Оставьте, дю Валь!

Доктор застыл с вытянутой рукой.

— Но ведь это...

Дон Мигель не дал ему договорить.

— Это золото капитана Йенсена. Он сполна расплатился по договору со мной. А эти эскудо оказались лишними. И они принадлежат ему.

Йенсен склонил голову в глубоком поклоне. Страхнув оцепенение, дю Валь последовал примеру датчанина, затем освободил весы и понёс мешок к иллюминаторам.

— Капитан Йенсен, — вернулся к разговору дон Мигель, — нам надо с вами ещё кое-что обсудить. Дю Валь! Не сочтите за труд, помогите Федерико опустить золото в шлюпку. Благодарю вас. А ты, Рико, спускайся вниз и погрузи все мешки в сундук. Надеюсь, ты всё приготовил, как я говорил?

Молодой метис, словно большая пантера, пронёсся сквозь пространство каюты и исчез в открытом иллюминаторе.

— Однако ж и слуга у вас, дон Мигель! — покачал головой доктор. — Всё никак не могу привыкнуть.

— Крепите мешки, дю Валь, — едва улыбнувшись, кивнул в сторону верёвки дон Мигель. — Рико уже ждёт вас. Очень рассчитываю, что он не забыл как следует смазать шкивы... Присаживайтесь, капитан Йенсен!

— Благодарю вас, — отозвался тот.

Йенсен присел на ближайший к нему стул, всё ещё продолжая удерживать ключ в ладони. Дон Мигель заметил это и, понимая опасения Йенсена, поспешил его успокоить:

— Можете положить ключ в карман. Полагаю, так будет надёжнее. Ваши матросы довольно долго ждали этого момента, так что, думаю, смогут подождать ещё немного. Хотите вина?

Дон Мигель принялся разливать вино по оловянным кружкам. В это время дю Валь связал несколько мешков верёвкой и готовился перебросить их через раму открытого иллюминатора.

— Закрепите конец за нагель, мой разлюбленный друг! — резко бросил дон Мигель нерадивому толстяку. — И попробуйте только утопить хоть один из мешков! Я вас заставлю лично нырять за ним в море.

— Но я не умею плавать, — заблеял оробевший доктор.

— Тем хуже для вас, болван. Закрепите конец и проверьте узлы на грузе. Подвяжите страховочный линь... Да тоже закрепите на нагеле! А уж затем травите понемногу... Вокруг пояса! Чёрт! Кому мне приходится объяснять! Вы нерадивы, как монастырский служка. Любой матрос справился бы с этим в два счёта.

— Наверное, оттого, что я не матрос, — огрызнулся дю Валь.

— Всё в ваших руках, господин корабельный хирург, — холодно парировал дон Мигель. — Хотите в палубную команду? Или помощником канонира, под начало старины Кулевэна? Рекомендую последнее: Большой Жак из благодарности составит вам протекцию.

Дю Валь проворчал нечто невразумительное, но выполнил все предписания капитана и принялся понемногу, с величайшими предосторожностями опускать груз в шлюпку. Толстяк тихо побряхтывал, зато шкивы работали безупречно — без скрипа и повизгивания.

Дон Мигель удовлетворённо кивнул и повернулся к Йенсену:

— Прошу простить, нас так некстати прервали. Прежде всего, предлагаю выпить в честь успешно проведённой сделки. Надеюсь, капитан Йенсен, у вас нет претензий к моей стороне?

— Никак нет! Все условия соблюдены. Капитан де Сальватьерра, считаю нашу с вами сделку проведённой честно и на оговорённых условиях.

Йенсен поднял свою кружку. Дон Мигель проделал то же самое. Они пригубили вино и поставили оловянную посуду на стол.

— Капитан Йенсен, — продолжил дон Мигель, — вы получили ключ, но не торопитесь им воспользоваться. Дайте мне отойти на приличное расстояние, а тогда уж выпускайте своих матросов. Если в деле пойдёт что-то не так, сами понимаете, мне придётся вернуться — и тогда уж вам несдобровать.

— Я понимаю, — степенно кивнул головой Йенсен.

— Кстати, постарайтесь не попадаться мне в море. По той же причине. Для этого я рекомендую вам обойти Эспаньолу с юга и пройти Наветренный пролив... Вот сюда... — Дон Мигель подвинул к себе карту и указал ногтем предлагаемый маршрут. — У французов отсидитесь и наберёте команду. Но держитесь подальше от берегов Эспаньолы и Кубы... Впрочем, это уже не моё дело. Я же буду искать вас здесь, у Наветренного пролива, предполагая, что вы сразу попытаетесь уйти к Багамским островам... Поэтому лучше вам туда не соваться.

Йенсен пожевал губами и, глядя на карту, задумчиво кивнул.

— Это я тоже понимаю. Но у меня всего с десяток матросов.

Дон Мигель слегка приподнял левую бровь.

— Три дня назад я захватил ваш корабль, имея под рукой всего семерых... Кстати, в вашем распоряжении окажутся несколько караульных, которые, стараниями нашего общего друга дю Валя, весьма опрометчиво уснут сегодня во время ночного дежурства на «Борнхольме», — продолжил дон Мигель. — По чистой случайности, все они из числа тех, кого вы захватили неподалёку отсюда. Это ваша добыча, вам и решать их судьбу. Можете использовать

их на парусных работах... Однако дайте мне слово, что высадите их где-нибудь на пустынном побережье, подальше от людских глаз.

Йенсен снова кивнул. Дон Мигель обернулся в сторону пыхтевшего доктора. Тот спускал в шлюпку последнюю партию золота.

— О! Я вижу, мне пора, — бодро воскликнул дон Мигель, поднимаясь со стула. — Напоминаю, что я появлюсь здесь утром третьего дня. К этому времени «Валадарес» закончит кренование. Следовательно, в погоню за вами я пушусь с утренним отливом. Желаю удачи, капитан Йенсен! Надеюсь, мы с вами никогда больше не свидимся! — Дон Мигель заткнул за пояс пистолеты, взмахнул шляпой и вскочил на кормовой рундук. — Прощайте, дю Валь! Ваше общество скрасило мне пребывание на острове в последние дни. Желаю вам обзавестись приличной практикой и завершить свой земной путь в тихом предместье Сен-Жермен.

Капитан сделал покрасневшему от погрузки доктору прощальный жест рукой и начал спускаться по верёвочной лестнице вниз.

Кормовая надстройка флейта оказалась чертовски высока. Дон Мигель спускался с неё, казалось, целую вечность. И всё это время он видел над собой тускло мерцавшие в ночи фасеточные стёкла распахнутого иллюминатора да чёрные силуэты недавних собеседников. Они что-то обсуждали между собой, их головы поворачивались к свету то так, то этак, отчего на тёмном фоне неожиданно появлялись подсвеченные части лиц. Но ни одна рука не покинула пространства капитанской каюты, и оттого затравочный порох на полках пистолетов тихо отсыревал в горячем и влажном воздухе тропической ночи.

Наконец капитан спрыгнул на широкую банку шлюпки. Каблуки гулко стукнули о настил, нарушая тишину ночи. Капитан взял под локоть последнюю выбленку и потянулся к сундуку. Монеты успокаивающе позвякивали в своих мешочках.

— Всё погрузил? — тихо, скорее для порядка спросил дон Мигель.

— Всё до последнего, мой господин, — также тихо ответил слуга.

— Ну тогда отчаливай. — И капитан первый отпустил выбленку.

Волна подхватила шлюпку, и дон Мигель, оглянувшись, снова увидел два чёрных силуэта на фоне освещённого мерцающими свечами потолка каюты. Однако на этот раз они стояли там неподвижно, будто исчерпав все возможности, и теперь бездейственно наблюдали, как уплывает от них то, на что они уже никак не могли повлиять.

Федерико меж тем распустил сезни. Капитан начал выбирать шкот, зажимая румпель под мышкой. Парус негромко хлопнул, и шлюпка, резво набирая ход, быстро понеслась вдоль флейта навстречу голубоватому Фомальгауту.

Капитан устроился на корме, обдумывая события последних дней. Маленькая капитанская шлюпка сидела в воде глубоко и оттого держала курс весьма уверенно, не рыская по сторонам. Ветер дул ровно, и ленивая морская волна, казалось, сама несла утлое судёнышко вперёд. Капитан лишь привалился к борту да поуютней закутался в обрывок старой парусины, чтобы избежать вечерней сырости. Кильватерная струя нежно журчала позади шлюпки, а мерный рокот моря уверенно топил все прочие звуки вокруг, многократно усиливая ощущение одиночества в этом чёрном исполинском шатре с жемчужным шитьём по куполу...

Амальти

— Господин...

Голос Федерико прозвучал будто издалека... Сразу стало как-то неуютно и зябко. Тепло уходило, утягивало, словно в трубу. Его место занимала мелкая лихорадящая дрожь, от которой хотелось укутаться в тёплое одеяло.

— Господин, просыпайся, — настойчиво звучал голос метиса, приглушённый посвистыванием ветра в снастях. — Вставать надо.

Дон Мигель тряхнул головой и окончательно проснулся. Ощущение бодрости ещё не пришло, зато лёгкое раздражение присутствовало в полной мере.

— Будто и не спал, — поворчал он. — Ну что там?

Небо уже посерело. Звёзды стали меркнуть, и, судя по всему, рассвет был не за горами.

— Амальти, — указывая рукой на серую полосу рассвета, сообщил Федерико.

— Вижу, — буркнул дон Мигель.

Невдалеке прямо по направлению вытянутой руки метиса виднелись гористая гребёнка суши, с характерным профилем скалы посреди острова.

Дон Мигель выбрал шкот и отодвинулся от борта, заваливая шлюпку под ветер. Кильватерная струя запела. Шлюпка прибавила хода, почуяв близость земли.

— Рико, дай чего-нибудь поесть. — Капитан вытянул ноги и потянулся весь, разминая затёкшие конечности. Суставы захрустели, однако по телу пробежала тёплая волна свежей крови.

Пока Федерико переползал через сундук, дон Мигель успел протереть забортной водой глаза и прополоскать рот. На языке сразу образовалось ощущение перечно-солончатого привкуса медузы. Капитан сплюнул и вытерся краем измявшейся и отволгшей за ночь парусины. Слуга, сидя на краю сундука, уже нарезал холодной отварной солонины и теперь извлекал из мешка куски серого кислого хлеба. Дополнила немудрящую утреннюю трапезу хорошая порция разведённой водой мадеры.

Капитан завтракал второпях. Его будоражили воспоминания о тех обстоятельствах, что привели его сюда, в это прекрасное осеннее утро, когда над спокойной тёплой водой поднимается лёгкая сиреневая дымка, когда шлюпка бежит будто сама по себе, слегка рассекая волну, и крупные сверкающие брызги, словно жемчужины, собирают в себе рассеянный утренний свет. Дон Мигель откинул тяжёлую, окованную железом крышку сундука, развязал ближайший мешок и сунул туда руку. Дублоны с лёгким позвякиванием протекли сквозь пальцы. Капитан снова запустил руку в прохладное податливое золото и перебирал там, проводя растопыренной пятернёй, как гребнем, пересыпал горстью, поглаживал текучий увесистый металл и зарывался в него ладонью. Он был целиком поглощён этим необыкновенно приятным и безмерно блаженным времяпрепровождением, пока не поймал себя на том, что вот уже некоторое время по-детски улыбается, устремив взор в серый полумрак разверстой горловины холщового мешка. Дон Мигель стрельнул глазами на Федерико. Тот равнодушно осматривал надвигавшийся силуэт острова.

В этот момент взошло солнце. Как всегда, оно появилось внезапно. Капитан прищурился. До острова оставалось совсем недалеко. Отсюда хорошо просматривались крупные шершавые камни мыса, за которым скрывался небольшой закрытый заливчик с белым коралловым песочком. Тёмная, ещё затенённая стена джунглей, а за ней в отдалении — маленький живописный водопадик, сверкавший в обрамлении сочной тропической зелени. Большой хребет отсюда уже не был виден, только отдельные скалы, придававшие верхушке острова вид концов королевской короны.

— Господин! — замахал руками Рико. — Туда! Смотри туда!

Дон Мигель повернулся и посмотрел за спину, куда указывал слуга. Там, маскируясь в туманных испарениях океана, мелькал неприметный шлюпочный парус.

— Э-э, да у нас гости, — пробормотал капитан, рассматривая зловещий треугольник. — Молодец, Рико! Не спускай с них глаз, пока не подойдём к острову!

Дон Мигель порылся в кожаной сумке, извлёк оттуда зрительную трубу, но, повертев в руках, положил её обратно.

— Рико! Веди себя так, будто мы их не заметили! Кто бы то ни был, пусть думают, что смогут подобраться ко мне незамеченными. Смотри по курсу! Сейчас будем входить в бухту.

Капитан обошёл выступавший полукругом мыс и до предела увалил шлюпку под ветер, рассчитывая причалить вне пределов видимости неведомых преследователей. Шлюпка послушно прошла залив и выскочила на песок с отчаянным шуршанием и скрипом. Дон Мигель едва успел вытравить шкот и упереться ногами в массивный сундук. И всё равно его подняло и бросило на крышку. А Федерико вылетел из форпика и кубарем покатился по плотному сырому песку латерали. Шлюпка наполовину выползла из воды и встала.

Дон Мигель ступил на крышку и оглядел залив. Ультрамариновая вода почти вплотную подходила к джунглям. Их отделяла узкая полоса кораллового песка. Крупный белый песок лежал плотно, словно туго накрахмаленная простыня королевской постели. В нескольких локтях от воды начиналась сплошная стена зарослей. А чуть левее шлюпки в этой зелёной стене угадывалась брешь — что-то вроде звериной тропы.

— Рико! Весь огневой запас — туда! — Капитан вытянул руку в направлении бреши. — Да топчи больше, следы оставляй.

Юноша водрузил на плечо две аркебузы, подхватил под мышку походный бочонок с порохом и кинулся к тропе, но остановился и повернул недоумённое лицо к капитану:

— Господин, а сундук?

— Сундук мы оставим здесь. Нужно, чтобы они думали, будто мы ушли в чашу. Ступай, уноси порох!.. Да побегай туда-сюда! Пусть будет больше следов. Ступай! Они сейчас выйдут из-за мыса. А зрительное стекло, я полагаю, у них тоже найдётся.

Рико вприпрыжку исчез под пологом леса и через короткое время появился опять, старательно натаптывая косую дорожку до шлюпки. Дон Мигель стащил парус и как можно небрежнее накрыл им сундук. Затем он подхватил сумку с инструментами и тоже направился в джунгли.

Брешь действительно оказалась началом звериной тропы. Какие-то твари приходили сюда полакомиться саргассами. Это оказалось весьма кстати.

— Рико, ты займёшь позицию здесь, за этим деревом. Стрелять будешь после меня. Выбери ближайшего к себе негодяя и стреляй.

— А если это будет Большой Жак? — наивно спросил юноша.

— Э, да я вижу, на старину Кулевэна тебе явно не хочется тратить порох! — прищурился на юношу капитан.

Тот энергично покрутил головой.

— Успокойся, Кулевэну ещё рано скакать по шлюпочным банкам. Но, даже если бы он был здесь, после моего выстрела — пали!.. Можешь не убивать, только ранить, — добавил дон Мигель, желая успокоить мальчишку. — Но так, чтобы сопротивляться более не мог. Понял?

Федерико решительно кивнул головой. Капитан тоже.

— А я пройду вон туда, напротив шлюпки. Сдаётся мне, что они захотят высадиться именно там. Всякий, кто сунет руки под парусину, получит от меня свинцовый подарок. Да тут уж и ты не зевай!

Федерико снова решительно кивнул. Дон Мигель повернулся и стал продираться сквозь джунгли обратно к месту высадки.

Едва капитан успел сменить затравочный порох, у мыса появилась шлюпка. Она была побольше капитанской, но дон Мигель насчитал там всего шестерых человек. Это давало неплохие шансы. Оставалось лишь надеяться, что уловка сработает. Дон Мигель внимательно следил за тем, как они осторожно обходят мыс, оценивая обстановку. На этот раз он достал свою зрительную трубу и осмотрел своих преследователей. Худые и небритые, они напоминали ему английских бродяг, но рожи у тех были скорее медно-красные, да и грязная пакля, что заменяла им волосы, была не столь темна, как у этих. А на корме восседал и вовсе чёрный и носатый, как грач, заросший по самые брови боцман из Астурии. Капитан поджал губы и положил трубу в сумку.

Шлюпка меж тем втягивалась в залив. Бородач привстал на корме, по-черепашьи вытянув морщинистую шею с большим кадыком под чёрной растительностью. Он осмотрел бухту и направил свою шлюпку прямо на капитана. Дон Мигель проверил полки двойных пистолетов и взвёл по одному курку на каждом. В следующее мгновение шлюпка мягко ткнулась в песчаный берег. Матросы попрыгали за борт и, ухватившись за планширь, потащили её на песок. На секунду капитан потерял бородача из виду, но тот поднялся во весь рост на корме, молча указывая своим товарищам в направлении хорошо натопанной тропы. Все они сейчас смотрели туда, и капитан решил, что более удачного момента может уже и не быть. Он вышел из-за ствола, вытянул руку и, тщательно прицелившись, нажал спусковую скобу. Порох зашипел и оглушительно треснул, разбрасывая искры на перистые листья папоротника. Отдача ударила в руку. Капитан заметил, как бородач рухнул в кокпит. И, пока остальные застыли, не успев разобрать, что к чему, вытянул левую руку в сторону ближайшего оборванца в ярко-жёлтой рубашке. Порох заискрился, матрос дёрнулся в сторону, но капитан хладнокровно повёл пистолет за ним, пока не грянул выстрел. В тот же миг дуплетом последовал ещё один, чуть правее, и кто-то истошно завопил позади шлюпки.

Дон Мигель злорадно обнажил свои великолепные зубы. Судя по всему, по крайней мере двое из преследователей выведены из строя. А вот остальные... Остальные должны броситься в контратаку, пока у засады разряжены ружья. Капитан, укрывшись за деревом, перевернул свои пистолеты и быстро взвёл оба курка на свежих стволах.

Заросли за деревом трещали. Дон Мигель сразу углядел ломившегося сквозь кусты крепыша с аркебузой наперевес. Следом, правее, продирался другой. Капитан выставил из-за дерева руку, но аркебуза громко дохнула горячей струёй вонючего белого дыма. Пуля шлёпнула в дерево, словно по нему ударили палкой. Дон Мигель быстро перевёл руку правее, где копошился с аркебузой второй матрос. Выстрел сбил его с ног, так что тот разрядил своё ружьё наугад. А следом сыпанул дробью по стволу и третий матрос, откуда-то слева, за деревом.

Капитан решительно вышел из-за широкого ствола и громким голосом решительно крикнул нападавшим:

— Эй, вы! У меня заряженный пистолет, а мой слуга держит на мушке одного из вас! Ваши ружья пусты! И всё может решиться в одно мгновение. Выбирайте сами: жизнь или немедленная смерть!

Мускулистый матрос стоял в трёх шагах от капитана, удерживая аркебузу опущенными руками. Было видно, что он не прочь броситься вперёд, но перевитые лианами кусты не дадут ему возможности достигнуть цели. Дон Мигель скосил глаза на второго. Тот держал свой мушкетон, как палку, и, судя по выражению измождённого болезнью лица, не очень горел желанием проверять угрозу капитана.

— Бросай! — властно приказал дон Мигель крепышу.

Матрос явно колебался. Он отчаянно пытался принять какое-то решение.

— Ты всё равно нас убьёшь, — наконец выдавил он.

— Ну, раз тебе всё равно, тогда покончим с этим. — И капитан поднял на него пистолет. Матрос сразу же бросил аркебузу и прикрывшись руками.

— Пстой! Пстой!.. Не стреляй. Я сделал, что ты сказал.

— Саблю тоже в песок, — не опуская руку, приказал капитан. — И дагу, или что у тебя там... Наваху... Тебя это тоже касается! — крикнул он второму. — А теперь подойди к нему, и оба отходите к шлюпкам.

Матросы сошлись вместе и стали медленно отступать от зарослей.

— Всё! Стой. На колени!

Худощавый матрос послушно плюхнулся на песок. Крепыш опустился на колени, не торопясь, поглядывая на капитана из-под набухших валиком бровей.

— Рико! — окликнул слугу дон Мигель.

Тот примчался по кромке зарослей, словно за ним гнались.

— Посмотри там всё. Да будь осторожен. Судя по всему, эти бестии превосходно метают свои ножи.

Капитан двинулся вперёд сквозь заросли, забирая немного вправо — туда, где подрагивали кусты и листья папоротника. В этом месте действительно лежал окровавленный матрос. Его рубаша на животе была липкая и красная. Он растерянно смотрел на капитана воловьими глазами и всё хватал разверстым ртом воздух, словно ему его отчаянно не хватало. Дон Мигель вынул свою шпагу и с силой ударил под ребро умиравшего матроса. Бедняга выгнулся дугой, закидывая голову назад, засучил ногами, и затих, вытянувшись во весь свой немалый рост на изумрудной листве джунглей.

Утреннее солнце начинало припекать. Дон Мигель поправил шляпу и направился к матросу в жёлтой рубаше. Тот лежал ничком, вытянув вперёд свои мохнатые, обнажённые до локтей руки. Пуля пробила ему височную кость, раздробив верхнюю часть лица. Капитан не стал его трогать и двинулся дальше, стараясь держать в поле зрения обоих пленников. В это время с обратной стороны шлюпки кто-то страдальчески промычал и затих.

— Рико? — позвал капитан, насторожив слух.

— Да, господин! — бесстрастно отозвался юноша. — Человек хотел обмануть Рико. Он больше не станет этого делать.

— Правильно, — похвалил слугу капитан. — А теперь посмотри за этими двумя. Чтоб не вздумали обмануть твоего господина.

Сам дон Мигель направился напрямик к чужой шлюпке. На дне испачканного кровью кокпита сидел, привалившись спиной к борту, всклокоченный, словно чучело, астуриец и ненавидящим взглядом рассматривал капитана в упор. В его чёрной, начинавшейся из-под самых глаз бороде серебристо курчавились седые волосы, а кожа, казавшаяся столь чёрной при рассмотрении сквозь стекло трубы, приобрела сейчас заметно сероватый оттенок. Он сидел, зажимая ладонью рану на груди, и даже не пытался дотянуться до пистолета.

— Боцман! Зачем ты пошёл за мной? — обратился к нему капитан.

— Я... Я сразу понял... что нельзя доверять тебе... И оказался прав! Прав... — Раненый бородач задыхался и хрипел, но от его горящего взгляда казалось, что он хрипит и задыхается от ярости. — Ты взял наш жемчуг... А теперь захотел спрятать... на острове... Жаль, не успел... посмотреть... что ты сюда привёз...

— Золото, — спокойно ответил капитан. — Десять тысяч песо золотом.

Бородач задыхался. Его лицо вытянулось, желтоватые зубы вылезли из заросшей меховой прорези, служившей ему ртом.

— Десять тысяч!.. Откуда у тебя столько золота?..

— Мне подарил его один знакомый капитан из Дании. А тебе доктор подарил флягу с мадерой... Впрочем, мадера — это уже от меня. Почему ты не стал пить моё вино?

Боцман оскалится. Наверное, он хотел таким образом выразить всю ненависть к дону Мигелю. Но капитану показалось, что перед ним скалится попавшая в охотничью яму рысь.

— Да подавись ты... своей мадерой... лузитанское отродье... — Бородач тяжело задышал, сдерживая разрывающий его кашель. — Говорил я этим кретинам... что дело нечисто...

— Но тебя никто не послушал, — завершил фразу капитан. — Кроме твоих оборванцев.

— Да! Ты правильно рассчитал!.. — Бородач снова тяжело задышал. Речь давалась ему всё труднее, а кожа становилась всё более серой. На лбу проступили крупные капли пота. — Они слишком... тебе верят... негодяй.

Боцман обессиленно замолк. Помолчал и капитан.

— Откуда ты? — спросил капитан.

Бородач посмотрел на него и наконец ответил:

— Кудильеро... Сельмо из Кудильеро.

Капитан покивал головой. Он обошёл транец и встал за спиной боцмана. Затем крепко прихватил ладонью за подбородок и, наклонившись к самому уху, сказал:

— Когда я прибуду в Испанию, я куплю вина завсегдатаям первого же портового кабака. Не могу обещать, что это будет Кудильеро, но вина хватит всем... А пока, Ансельмо, это всё, что я могу для тебя сделать.

Капитан вытянул из ножен дагу и пронзил ярёмную вену бородача.

Компаньоны

Боцман ещё подрагивал плечами, когда дон Мигель направился к пленным. Те сидели на песке, безвольно опустив руки. Даже мускулистый крепыш, столь отчаянно пытавшийся выкрутиться из трудного положения — и тот, судя по всему, оставил надежду под дулом аркебузы бесстрастного метиса, стоявшего поодаль. Они, конечно, не питали надежд на спасение, а капитан, в свою очередь, не пытался их обнадежить, когда, стоя перед ними, отирал платком окровавленную дагу.

— Сейчас я имел беседу с вашим главарём... Ансельмо, кажется, — начал капитан, загоняя дагу в ножны. — Он мне во всём признался. Он сказал, что не решился отпустить в ночь одинокую капитанскую шлюпку и потому подбил вас отправиться сопровождать меня, своего капитана. Так ли это?

Слабая надежда забрезжила в глазах пленных матросов, разгораясь до бурного желания поверить в любую бессмыслицу. Оба оживлённо закивали небритыми подбородками, преданно глядя на капитана и перебивая друг друга.

— Да! Да! Это так, капитан! Именно так!..

Капитан спокойно ждал, когда иссякнет этот поток отчаянной надежды. И он наконец иссяк.

— Я считаю, что это ложь, — безжалостно продолжил капитан и сделал длинную паузу. — Ансельмо вполне мог обмануть вас. И воспользоваться этим, как доверчивостью малых детей. Мог даже попытаться обмануть меня. И затем воспользоваться моим благорасположением... Но это оказалось невозможным! Я подозреваю, что он замешан в заговоре. — Капитан снова сделал длинную паузу, чтобы дать матросам возможность оценить всю зыбкость своей надежды. — Остаётся выяснить только одно: кто подговорил его преследовать меня?

В воздухе повисла тишина. Затем оба матроса заговорили разом:

— Мы не знаем, капитан... Нам неизвестно. Нет, неизвестно! Точно!.. Он пришёл, говорит — надо идти... Да! Так и сказал — идти, говорит, надо...

Капитан поднял вверх палец.

— Тихо.

Матросы замолчали, преданно, по-собачьи глядя на капитана снизу вверх. Тот продолжал:

— Говорить будешь ты. — Дон Мигель ткнул пальцем в сторону худощавого.

Матрос быстро кивнул.

— Итак, отвечай мне: почему Ансельмо взял с собой именно тебя?

— Мы с ним оба из Астурии, капитан. Он всегда предлагал нам держаться вместе.

Капитан вытянул губы.

— Ты тоже из Астурии? — кивнул он игравшему шаровидными мускулами крепышу.

— Да, капитан. Из Либардона.

— Понятно. А эти остальные? — Дон Мигель обвёл пальцем вокруг.

— Они тоже наши земляки, — ответил худой. — Сельмо говорил, что мы, астурийцы, должны держаться вместе... Он был у нас вроде как за старшего, мы слушались его.

— Понятно. Почему вы покинули «Борнхольм»?

— Сельмо сказал, что дело тут... — Худощавый закашлялся, но хмурые брови крепыша не оставили капитану сомнения в истинной причине этой заминки.

— Так что сказал Ансельмо? — невозмутимо спросил дон Мигель.

— Сельмо сказал, что мадера — это уж слишком...

— М-м! Так вы уже были пьяны?

— Нет-нет! Сельмо запретил. Потому что мы несли ночную вахту, — поспешил с ответом здоровяк.

— Да! Мы несли ночную вахту! — повторил худощавый матрос.

Капитан удовлетворённо кивнул.

— Дальше?

— А что дальше? Флягу принёс доктор, и Сельмо сказал, чтобы мы её не трогали... А потом он увидел, что вдоль борта прошла шлюпка, и приказал спустить вторую, что была на палубе...

— И вы, конечно, подняли тревогу? — утвердительно подытожил капитан.

— Да нет, — возразил худощавый. — Боцман приказал не поднимать шума. Мы просто тихо... ушли, — поникшим голосом закончил матрос, понимая, что сболтнул лишнего.

Оба пленника опустили глаза. Худощавый матрос обескураженно молчал, а его мускулистый товарищ, беззвучно перебирая губами, посылал проклятия на голову бестолкового болтуна.

— Так я и думал! — в притворном возмущении воскликнул дон Мигель. — Оставили трофей без охраны! Ну погодите же, я покажу вам, когда вернёмся в бухту! — Дон Мигель нервно прошёлся взад-вперёд, наступая на пятки собственной тени. — А Сельмо тоже хорош! Бросил корабль и потащился за капитаном. Немудрено, что вышло недоразумение. В результате погибло несколько хороших парней! Да и вам чуть было не досталось по свинцовому подарку... Как ваши имена?

Поначалу матросы не поверили своим ушам, но потом выкрикнули почти одновременно:

— Анжело!..

— Колас!

— Тише, тише, — остановил их капитан. — Тебя зовут Николас?

Худощавый матрос живо закивал головой.

— Точно! Николас, господин капитан!

Дон Мигель коротко кивнул.

— А ты? — повёл он подбородком в сторону мускулистого.

— Анжело! Анжело из Либардона, мой капитан!

— Хорошо. Ваш земляк нарушил мой приказ, и за это поплатился жизнью. Но он оказался прав. Мне действительно нужна помощь. — Капитан снова прошёлся туда-сюда перед коленопреклонёнными матросами. — Там, в моей шлюпке, лежат дублоны. Они принадлежат команде «Валадареса». Это золото, которое веедор не заносит в свои отчёты. Его будто бы и нет вовсе... Вы новички в нашей команде, и мы не могли посвящать вас в свои дела. Это слишком опасно, слишком рискованно. Да и неразумно! Однако Провидению было угодно, чтобы именно вы стали хранителями тайны моего экипажа. Нам нужно спрятать эти дублоны от лишних глаз. Если вы дадите слово, что верны мне, и поклянётесь спасением души сохранить всё в тайне, то станете доверенными членами команды «Валадареса». И получите дополнительную долю в разделе добычи. Разумеется, договора мы составлять не будем. Ни один эскрибано не рискнёт свидетельствовать перед Богом о том, что короля лишают его доли. Этот грех я возьму на себя. Я буду вашим свидетелем!.. Итак! Вы согласны хранить молчание?

Матросы не могли верить своим ушам. Они явно не ожидали такого поворота событий, поэтому сидели на песке и тупо смотрели на капитана.

— Так вы согласны хранить события сего дня в тайне? — спросил капитан.

И тут их словно прорвало! Они бурно выражали свой восторг и постоянно выкрикивали:

— Согласны! Согласны, будь я проклят! Даём слово быть верными тебе! Клянёмся хранить всё в тайне!.. И пусть святой Себастьян будет свидетель!.. Пусть нас поглотит геенна огненная... И пусть нас покарает...

— Мне достаточно вашего слова, — кратко подвёл итог капитан.

Матросы уставились на него, всё так же оставаясь стоять на коленях. Дон Мигель продолжал:

— Нам надо поторопиться. Мы потратили много времени. И натворили много дел. Сейчас следует привести берег в порядок и с честью похоронить наших товарищей. За дело!.. Рико, собери всё оружие и сложи в большую шлюпку. А вы, Николас и... Анжело, снесите убитых вон туда, на мыс.

Капитан направился к шлюпке. Но Анжело схватил товарища за руку, и оба остались сидеть на песке.

— В чём дело? — медленно, с нажимом спросил дон Мигель.

На этот раз инициативу взял в свои руки Анжело. Не выпуская запястья Коласа, он глянул на капитана и произнёс:

— Мы опасаемся, капитан.

— Вот как? — Дон Мигель заложил пальцы за пояс и приосанился. — Чего же?

— Мы опасаемся, что ты убьёшь нас, как только мы спрячем эти дублоны... С чего бы тебе брать нас в долю?! — Здоровяк сорвался и перешёл на крик. Напряжение последних часов дало о себе знать, и теперь он был не в силах совладать со своим темпераментом. — Мы не вчера родились! Кто же захочет делиться с нами своим золотом?! Тебе ведь проще нас...

Тут Николас выдернул запястье из крепкой клешни товарища и принялся трясти его за рукав рубахи:

— Замолчи! Да замолчи же! Ты!.. Ты нас погубишь! Прямо сейчас!..

Рубаха трещала и рвалась в цепких руках жилистого матроса, а экспрессивный крепыш всё пытался оторвать его от себя, выкрикивал проклятия пополам с божбой и священными клятвами.

Капитан дал им обоим успокоиться, затем невозмутимо продолжал:

— А разве мы не решили уже этот вопрос?

— Нет! — выкрикнул обессиленный Анжело. — Мы дали клятву верности и молчания. Это так. Но ты... Ты ничего не сказал нам в ответ!

— Как? — удивился дон Мигель. — Я предложил вам стать частью команды моего «Валадареса». Мне кажется, вы приняли моё предложение.

— А Сельмо? Абундо... Пинто и Нель? Все они служили под твоей командой! Что-то незаметно, чтобы это помешало тебе отправить их к праотцам! Вон они лежат там с твоими подарками!

Капитан подобрался и нахмурил брови.

— Ты прав, — холодно начал он. — С тех пор, как я вытащил вас из датского трюма, все вы стали моей командой. Однако Ансельмо ослушался моего приказа. Он самовольно покинул корабль и потянул вас за собой. Можно говорить что угодно, однако все мы знаем, что ваш боцман подбивал моих людей на участие в мятеже. Стало быть, и вас тоже... Как, по-вашему, должен поступить любой капитан на моём месте?.. Капитан должен украсить гарротой⁴¹ шею каждого из мятежников. В присутствии всего экипажа! Чтоб неповадно было... Но я, капитан «Валадареса», с Божьей помощью покарал мятежников здесь, на острове! Вдали от посторонних глаз. Чтобы иметь возможность спасти хотя бы ваши шеи от неподобающих им галстуков. И всё из-за того, что вы двое, как выяснилось, не причастны к мятежу Ансельмо. Так чего же вам ещё надо?!

Матросы сидели на горячем песке, как громом поражённые, и всё же Анжело выдавил из себя:

— Слово.

⁴¹ Гаррота (исп. garrote, dar garrote — закручивание, затягивание) — инструмент для исполнения казни посредством удушения, представляла собой петлю с палкой.

— Слово? Какое слово?

— Что ты не убьёшь нас, — тихо пролепетал матрос.

Капитан выпятил грудь вперёд и положил правую руку на колет в области сердца.

— Хорошо. Я, капитан Мигель де Сальватьерра, даю слово, что, если вы не нарушите взятых на себя обязательств, я не трону вас ни шпагой, ни дагой, ни прочим оружием, ни предметом, способным привести к смерти. Клянусь именем Пресвятой Девы Гваделупской! Аминь!

Простодушный Николас растянул в улыбке свои впалые щёки, но недоверчивый Анжело всё же уточнил:

— А Рико?

— Рико? Рико — мой слуга. Всё равно что предмет. А за предмет я уже принёс свою клятву... Довольно?

Оба матроса кивнули.

— Тогда за дело! Солнце уже довольно высоко. А трупы сейчас раздует так, что из них можно будет составить плот. Снесите их вон туда, на мыс, вяжите камни к рукам и ногам — и в воду. Там глубины хорошие.

Матросы согласно покивали, но продолжали стоять на месте.

— Что ещё? — недовольно воскликнул капитан.

— Отпеть бы... — опасно предложил Анжело.

— Хорошо, — не скрывая гримасы, буркнул дон Мигель. — Закончите приготовления, позовёте меня. Заупокойной молитвы не обещаю, но пару слов скажу. Шевелитесь, бездельники!

Матросы бегом кинулись исполнять приказ капитана. А сам дон Мигель направился в сторону шлюпки, где Рико бережно укладывал собранное оружие.

— Собрал? — коротко и негромко спросил капитан.

— Да, господин. Всё собрал. Вот здесь лежит.

— Хорошо. Увяжи всё в парусину. Да как следует.

Дон Мигель отобрал из кучи оружия две старые пехотные шпаги с короткими широкими клинками.

— Это для наших друзей астурийцев... Ты, Рико, держись от них подальше. Будь начеку. Если что заметишь — ты знаешь, что делать. Не мешкай!

— Да, господин... Рико хочет спросить: ты возьмёшь их с собой на козью гору? Зачем?

Дон Мигель внимательно посмотрел на юношу. Тот явно не понимал намерений капитана.

— А затем, мой дорогой Федерико, — ласково отвечал дон Мигель, — что сундук тяжёлый и его придётся очень долго нести.

В этот момент к шлюпкам подошли матросы. Они вынули из кокпита тело своего главаря и понесли на косу, где лежали уже двое из их компании.

— Заряди мои пистолеты. И одну аркебузу себе. Собери всё в дорогу, остальное припрячь в кустах. Вон у того камня. Лишнее оставь в шлюпках. И жди нас: наскоро перекусим — и в путь.

Дон Мигель прихватил обе шпаги и пошёл на косу. Николас и Анжело донесли тело своего предводителя, положили его и пошли искать последнего.

— Он лежит там, где ты, Анжело, стрелял в меня, — крикнул дон Мигель вслед уходившим матросам.

Те встали, понутив головы.

— Ничего, ничего! Я ведь тоже стрелял в него. Просто свалил одним выстрелом.

Они ушли. А дон Мигель снял шляпу и обтёр платком лоб, оглядывая островок со стороны моря. Прекрасный чистый изумруд, оправленный в серебряное полукольцо аккуратных

мысков. Белый, с лёгкой желтизной, коралловый песок бухты искрился на солнце, словно сахар. Океан с тихим сопением лизал его длинными ленивыми языками, влажными и блестящими от солнечных бликов...

Николас и Анжело принесли последнего товарища. Красавец-брюнет словно заснул на берегу океанского залива — так безмятежно было его лицо. И только испачканная кровью рубаха говорила о том, что сон этот вечен, как сам океан.

Дон Мигель протянул испанцам шпаги. Те приняли их, опасливо поглядывая на капитана.

— Признаться, я не большой любитель погребальных обрядов, — начал капитан. — Однако постоял здесь, подумал и понял, что наши товарищи должны достойно отойти в вечность.

Испанцы, словно по команде, обнажили головы и сделали торжественные лица. Дон Мигель прочистил горло и басовито продекламировал:

— *De profundis clamavi ad te, Domine. Domine, exaudi vocem meam. Fiant aures tuae intendentes in vocem deprecationis meae...*⁴² А от себя добавлю: покойтесь с миром, и пусть воды океана омоют вас от грехов ваших. Аминь!

— Аминь! — покорно повторили матросы. Они были явно обескуражены краткостью погребального обряда.

— А теперь бросайте их в воду!.. Чего вы ждёте? Я не обещал вам полного чина отпевания. В конце концов, я капитан корабля, а не кантор⁴³... Бросайте!

Николас принялся вязать к ногам трупов концы линьков. Анжело, что-то бормоча под нос, обвязывал ими крупные куски пористого туфа. Затем они оба укладывали камни на животы покойников и сбрасывали тех в залив. Через короткое время всё было кончено. Залив поглотил своих жертв, не проявляя особых эмоций. Они улеглись мирно, вытянувшись на склоне рифа, хорошо различимые сквозь толщу воды. И лишь колебания поверхности моря создавали иллюзию того, что новопреставленные грешники уже корчатся в аду за свои прегрешения в земной жизни.

⁴² «Из глубины взываю к Тебе, Господи. Господи! услышь голос мой. Да будут уши Твои внимательны к голосу молений моих...» (*лат.*) «Песнь восхождения», начало заупокойной молитвы (Пс. 129).

⁴³ Кантор (от *лат.* *cantor* — певец) — певчий в Католической церкви.

Горячий ручей

Дон Мигель откинул парусину и поднял крышку сундука. Холщовые мешочки лежали, словно поросята под брюхом свиноматки — плотные, округлые и совершенно одинаковые. Дон Мигель развязал один из них. Золото вспыхнуло на солнце своим особенным колдовским блеском. Глаза обоих матросов вылезли из орбит. Они, словно замороженные, уставились на золотые монеты. Николас вцепился в край планширя, его пальцы побелели и мелко подрагивали. Дон Мигель решил, что достаточно ему искушать простых астурийских парней.

— Вот это сокровище мы и понесём туда, на скалу, — указал он на гребень с водопадом.

Николас кивнул, Анжело лишь облизал губы. Он был ещё под впечатлением от увиденного.

Подошёл Федерико. Втроём они соорудили что-то вроде перекладки для плеч, на которую подвесили сундук. Матросы присели под перекладину, довольно легко оторвали окованный железными полосами ящик от настила шлюпки и через транец вынесли наружу.

— Отлично! — воскликнул капитан. — А теперь в путь!.. Рико! Ты впереди. Я замыкающим.

Маленький отряд двинулся по натопанной с утра тропинке под сень густого тропического леса — туда, где можно было идти, не продираясь сквозь переплетение лиан и корней. Зелёные ветви сходились шатром, образуя подобие невысокого и очень узкого коридора. Идти приходилось склонившись, вжимаясь головой в плечи. Впрочем, довольно скоро тропа вышла к ручью, пересекла его и исчезла за корявым стволом ближайшего дерева. Рико вступил в ручей и сразу же провалился почти по пояс. Отряд остановился. Матросы тяжело дышали и были рады возможности поставить массивный сундук на землю.

— Ну что там, Рико? — Дон Мигель тоже не упустил случая выпрямиться и размять поясницу.

Слуга стоял в полушаге от берега, подняв кверху аркебузу с пороховницами, и вода доходила ему до половины бедра.

— Тут глубоко, господин.

— Сам вижу, что глубоко. Какое дно?

— Дно хорошее, господин. Мелкие камни, песок.

— Отлично!.. Отдохнули? Тогда вперёд! В воде сундук будет немного легче. А нам как раз вдоль ручья идти. Пошли!

Анжело привычно забурчал и осторожно полез в ручей. За ним, откинувшись всем телом назад и ухватившись за ручки сундука, семенил Николас. Дон Мигель шагнул в ручей последним. Вода сразу же залила сапоги, но оказалась тепла и даже приятна.

Неторопливые струи плавно обтекали четверых путников, бредущих в сумрачном лесу посреди ручья. Рико шёл уже практически по пояс в воде. Огневой запас он нёс на голове, придерживая одной рукой, и всё время прощупывал палкой пространство перед собой. Сундук с золотом, как водится, притонул, но матросы крепко держали его за ручки, не давая опуститься на дно. Даже в воде он был достаточно тяжёл, о чём красноречиво свидетельствовала выгнутая колесом спина Николаса. Вокруг беззаботно щебетали невидимые птицы, громко кричали попугаи. А ручей тихо журчал, плескался и закручивал свои маленькие водоворотцы, словно дразнил путников и кривлялся им, как шаловливый отрок. Однако идти, несмотря ни на что, было легко, и отряд продвигался вперёд довольно быстро.

За очередным поворотом русла ручей перегородило бревно, толстое и трухлявое, в бархатистом нефритовом чехле с блёклыми орхидеями посреди мха. Рико заглянул в просвет под стволом и стал выбираться на берег. За ним, чертыхаясь, потянулись матросы. Анжело выгля-

дел ещё более мрачным, чем прежде, а Николас просто дрожал коленями, словно в лихорадке. И дон Мигель объявил привал.

— Капитан, я слышу впереди шум, — размазывая по лицу грязь, сообщил Анжело.

— Конечно, — устало ответил дон Мигель. — Мы ведь идём к водопаду.

— Скорей бы! Чёрт подери! — выругался Николас и крепко хлопнул себя по шее. — Эти москиты добра не принесут, попомните моё слово. Гиблые места... Видал я такие болота на Кубе. После них зубы тарантеллу пляшут.

— Точно! — подхватил Анжело. — И смердит здесь так, будто помер кто.

Он нехотя приподнялся с сундука, осматривая окрестности.

— Всю дорогу воняет, не пойму чем! Вода вроде чистая.

— Чистая, — согласился Николас. — Только странная какая-то. Словно протухшая.

— А ты уже и хлебнул, — ухмыльнулся Анжело. — Смотри, пронесёт, как в прошлый раз. Тогда уж точно узнаем, отчего такая вонь! — И он загоготал, откинувшись на сундук всем своим сбитым мускулистым телом.

Дон Мигель не принимал участия в разговоре. Он дал им передохнуть, затем скомандовал идти дальше.

Водопад появился внезапно, хотя шум от него нарастал уже давно. Белые сверкающие струи возникли перед глазами сразу, словно кто-то театральным жестом откинул в стороны лиственный полог обступавшего ручей тропического леса. Небольшая зеленоватая чаша у подножия водопада кипела и пузырилась мельчайшими брызгами. От неё поднимался легчайший кисейный пар, оседавший вокруг какой-то всепроникающей влагой, стекавшей вниз каплями, струйками и ручейками. Уходившая вверх скала влажно блестела в лучах дневного солнца. В её трещинах густым ковром расселились мхи, а меж камней вокруг чаши пышно разрослись какие-то изумительно красивые цветы, названия которых могла передать исключительно одна лишь Флора.

Зато запах... Запах оставлял желать лучшего!

— Если это рай, то я предпочёл бы держаться от него подальше, — проворчал недовольный Анжело.

— А если это ад, то я был бы не прочь здесь остаться, — парировал Николас, усаживаясь на сундук.

— Останешься... — продолжал бурчать Анжело. — Что-то я за весь путь не видал ничего съестного. Разве что москитов наловить твоей шляпой... А вода здесь действительно тухлая, много не выпьешь. Тёплая и противная.

— Ерунда, — возразил Николас. — Мы, бывало, и не такую пили, когда к берегу не пристать по несколько дней... Это ты от разлития жёлчи и флегмы такой разборчивый стал. А по мне, так вода здесь вполне приличная, всё лучше, чем из протухшей бочки пополам с забортной солью.

Дон Мигель присел у края водоёма, обтирая лицо и шею тёплой, немного мыльной на ощупь водой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.